

18+

Анастасия Волжская
Валерия Яблонцева

Брак с летальным исходом

Тайны Иллирии

Валерия Яблонцева

Брак с летальным исходом

«Автор»

2026

Яблонцева В.

Брак с летальным исходом / В. Яблонцева — «Автор»,
2026 — (Тайны Иллирии)

Долгожданный брак с лордом Осси обернулся для меня настоящей трагедией. В день свадьбы мой супруг погиб при странных обстоятельствах, а сама я оказалась в тюрьме по обвинению в убийстве с применением ментальной магии, что неминуемо карается смертной казнью. «Госпожа Фаринта Ридберг, черная вдова, пережившая четырех мужей, нашла свой конец в пламени костра!» – так, вероятно, утром кричали бы разносчики городских газет. Только вот казнь не состоялась. По старинному обычаю спасти приговоренную к смерти женщину можно, заключив с ней брачный союз. Так я стала женой лорда Майло Кастанелло, одного из самых богатых и знатных людей города. Но станет ли брак с лордом лучше немедленной казни, если сам он скорее известен не заслугами перед Короной, а загадочными обстоятельствами, сделавшими молодого еще мужчину трижды вдовцом?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева

Брак с летальным исходом

ГЛАВА 1

Точно настроенный часовой механизм завершил оборот, и кованный молоточек гулко ударил по колоколу, установленному в башне ратуши на площади. Бом. Час после полуночи.

Еще утром другие колокола звонили вовсю, оповещая жителей окрестных кварталов о свершившемся торжестве. Весело стучали по мостовой копыта четверки лошадей, а рядом с очаровательной молодой невестой, сидевшей в украшенной лентами карете, на белоснежном жеребце гарцевал, красуясь, сам жених. После церемонии был запланирован прием в честь бракосочетания лорда Эдвина Осси с госпожой Фаринтой Ридберг, урожденной Ллойд. А в столь поздний час молодые должны были давно скрыться в глубине хозяйской спальни, дабы скрепить свой союз на супружеском ложе.

И кто бы мог подумать...

Я расправила складки подвенечного платья. Туго затянутый корсет со множеством крючков на спине — специально предназначенный для того, чтобы новобрачную освобождали от него ловкие мужские руки, — сковывал движения, вынуждая держать спину прямо. Матрас подо мной был жестким и неудобным, но я не нашла другого места, куда я могла бы сесть.

Светильника мне не оставили. Лишь лунные лучи проникали через узкое окно, ложась мелкими квадратами на пол. В холодном синеватом свете мои руки, лежавшие на коленях, по белизне могли соперничать с платьем.

Бом. Бом.

Я и не представляла, что день моей свадьбы закончится так. Не могла и помыслить, что проведу ночь не в объятиях любимого супруга, а в темной и сырой камере. Хмурые законники появились почти сразу же после того, как я, вдовствующая леди Осси, чей муж трагически погиб, упав с лошади прямо под копыта запряженной в карету четверки, затворила дверь особняка за последним из соболезнующих гостей. Раньше чем я, слишком ошеломленная всем, что произошло, успела что-либо осознать, меня вывели через черный ход, затолкали в неприметную карету с занавешенными окнами и привезли в городскую тюрьму.

Сперва я тешила себя надеждой, что это хороший знак. Скорее всего, я здесь как свидетель, а значит, законники ведут расследование. Неужели трагедия случилась из-за преступной халатности? Только чьей? Конюха? Но увлеченный наездник и страстный любитель лошадей, Эдвин всегда седлал коня сам... Разве что перед свадьбой было не до этого...

Время шло, часы отсчитывали удары, и всколыхнувшееся было оживление таяло. Свидетеля не стали бы так долго держать в камере. Значит... Подозреваемая? Мог ли это действительно быть не несчастный случай, а умысел? Разрезанная подпруга? Меткий выстрел, оставшийся незамеченным? Яд? Кто-то убил Эдвина!

Мысль эта вспышкой пронзила усталый мозг, и, не в силах больше сидеть на месте, я поднялась и начала ходить из угла в угол. Замечала ли я что-то за время подготовки к свадьбе? Волнение, беспокойство, признаки надвигающейся бури? Мог ли Эдвин, спокойный, рассудительный, всегда державшийся в стороне от грязных интриг, оказаться вовлечен во что-то, что могло стоить ему жизни? Нет, нет и нет. Или все-таки да?

Часы на ратуше пробили три.

Изнеможенная, я вновь опустилась на жесткий матрас. Неужели законники оставили меня напоследок? Неужели я главная подозреваемая? Но как...

В двери камеры с грохотом повернулся ключ.

Двое молчаливых законников вошли внутрь и встали по обеим сторонам от двери, не спуская с меня настороженных взглядов. Накопительные кристаллы в пистолетах тускло светились сквозь кожу кобуры. Сложно было представить, какую угрозу видели законники в безоружной девушке, но отнеслись ко мне более чем серьезно.

Гулкие шаги в коридоре возвестили о приближении еще одного человека. Я бросила на него мимолетный взгляд, и все мои надежды, застывшие хрупкой льдинкой, разбились о каменный пол камеры. Высокий и сухой немолодой мужчина, затянутый в черную форменную одежду судебных дознавателей — застегнутый на все пуговицы китель с высоким под горло воротничком, безупречно отглаженные штаны, черные сапоги — носил на лацканах печально известные каждому горожанину символы отдела магического контроля. И плотные кожаные перчатки сказали мне куда больше любых слов. Меня подозревали в применении запрещенной ментальной магии — магии, воздействующей на разум жертвы через физический контакт, кожа к коже. Закрытая форма дознавателя призвана была защитить его в случае, если я решилась бы на какой-либо отчаянный шаг, а охранникам, вероятно, было дано разрешение стрелять на поражение. В случае с ментальными магами никакая предосторожность не была лишней.

Только вот я менталистом не была.

Господин дознаватель устремил на меня пристальный взгляд блекло-серых, словно бы полинявших со временем, глаз. Лунный блик сверкнул на толстых стеклах очков законника, а лицо его в холодном свете приобрело неестественный, мертвенно-бледный оттенок. Сняв очки, он сунул их в нагрудный карман кителя и отступил в тень.

— Госпожа Фаринта Ридберг, — начал он, намеренно используя фамилию, которую я носила до сегодняшнего дня. Можно было лишь удивиться, как быстро законники и почтенное семейство Осси лишили меня любой связи с Эдвином, пресекая малейшую возможность, что брак со мной бросит тень на их древний и уважаемый род. — Вас доставили в городскую тюрьму по обвинению в убийстве лорда Эдвина Осси. Мы имеем все основания предполагать, что на покойного было оказано ментальное воздействие. Вами.

Законник продолжал говорить, но его слова слились для меня в один неразличимый шум. Убийство. Ментальная магия. Я просто не могла осознать того, что слышала. Не могла даже помыслить о подобном. Как мог кто-либо предположить, что у меня были причины пойти на это? Я не охотилась за наследством, не рвалась в высшее общество за счет выгодной партии. Я любила Эдвина. Любила...

Вспыхнувшее возмущение уступило место чувству глухой безнадежности. Дознавателям отдела магического контроля достаточно было лишь подозрения в использовании ментальной магии, чтобы незамедлительно отправить жертву на костер. А значит, не будет ни расследования, ни суда. Я попросту обречена.

Мужчина сухо зачитал протокол вскрытия и показания судебного лекаря. Ран, признаков отравления или какого-либо иного воздействия немагического характера не было обнаружено. Однако специальные приборы считали четкий след ментальной магии. Такой же, какой позже был обнаружен на мне.

— Покойному лорду Осси следовало задуматься, прежде чем предлагать брак трижды вдове, — произнес дознаватель с презрительной гримасой. — Зная вашу репутацию...

Я вздрогнула. Казалось бы, я проходила через это неисчислимое количество раз. Сколько уже было шепотков и слухов, которыми городские сплетницы обменивались за моей спиной?

«Почему бы ей не выйти за начальника городской стражи? Тот еще тип, никто плакать не станет».

«Фаринта, душечка, а можете и для моего зельице какое сварить? Ну, вы понимаете...»

Пора было привыкнуть. Но так и не вышло.

— Мы подняли некоторые документы, касающиеся вас, — продолжил законник. — И надо признать, обнаружили много любопытного. Господин Ридберг, ваш третий муж, трагически погиб во время травли вепря. Заядлого охотника разорвали его собственные любимые псы. По рассказам домочадцев, это были идеально вышколенные звери, обожавшие его до шенячьего визга. А вот господин Честер, ваш второй супруг, отравился на вечере карточных игр, куда он пришел вместе с вами. Интересная смерть для мужа женщины, занимающейся изготовлением зелий.

Мне доводилось слышать и такое. Даже те, кто присутствовал на том злополучном вечере, в один голос утверждали, что видели торжествующую улыбку на моем лице, когда я бросилась к умирающему в тщетной надежде ему помочь.

О гибели третьего мужа я предпочитала не вспоминать вовсе.

— Я прошла обучение на помощника аптекаря лишь в прошлом году, — устало возразила я, но господин дознаватель оставил мои слова без внимания.

— Со сведениями касательно вашего первого супруга пришлось повозиться. Но кое-что найти все же удалось. Желаете послушать об этом?

— Нет, — поспешно ответила я.

— Как пожелаете. — Господин дознаватель равнодушно пожал плечами. — Три убийства или четыре — в вашем случае, не все ли равно. Все они далеки от трагических случайностей... — он сделал ударение на последних словах, — которыми вы, вероятно, хотели бы их представить. Удивительно, что вы не привлекли внимание представителей отдела магического контроля раньше.

Не дав мне вставить ни слова, законник откашлялся и произнес, громко и четко.

— Госпожа Фаринта Ридберг, вы обвиняетесь в убийстве лорда Эдвина Осси, а также в убийстве господина Грэхема Ридберга, господина Лайнуса Честера и почтенного господина Веритаса посредством ментального воздействия. Как вам известно, использование подобного рода магии карается смертной казнью. Вас сожгут на рассвете на ратушной площади.

Огласив приговор, господин дознаватель повернулся, не дожидаясь моей реакции, и, заложив за спину руки в толстых перчатках, вышел из камеры. Молчаливые охранники последовали за ним. Дверь захлопнулась с громким стуком, и он показался мне похожим на выстрел, пронзивший навывлет.

Я обхватила себя руками, силясь унять дрожь. Все кончено. Эдвин, человек, которого я любила, был моей робкой надеждой на счастливую жизнь. Надеждой, которую судьба жестоко и безжалостно отняла, растоптала копытами по каменной мостовой. Я не успела еще в полной мере осознать случившееся, и, вероятно, мне уже не представится такой возможности.

Может, оно и к лучшему.

Городская тюрьма, одно из старейших зданий в городе, была устроена из рук вон плохо. От стен шел промозглый холод, и тонкий шелк платья не согревал озябшего тела. Я видела, как от моего дыхания в воздухе образуется облачко пара. Тепло, казалось, уходило вместе с самой жизнью. У меня не было сил его удерживать.

Я словно бы замерла, застыла, холодная и бледная, как восковая кукла. Казалось, все мои чувства, все мое существо сковало ледяной коркой. Такой, бесчувственной и замерзшей, я могла только ждать разрешения, развязки.

Погруженная в себя, я присидела на кровати без движения до самого рассвета, глядя, как постепенно становятся ярче квадраты света, проникающего внутрь через зарешеченное

окошко. Часы на площади, где, верно, уже шли приготовления к моей казни, пробили сначала четыре, а затем пять, шесть и семь раз. Незадолго до восьмого удара в камеру вошли уже знакомые мне законники в сопровождении крупной высокой женщины, также одетой в форму дознавателей. Через ее руку было перекинуто грубое серое рубище — тратиться на одежду для тех, кто в скором времени будет сожжен, в судебном управлении считали излишним.

Коротко переглянувшись, законники повернулись и вышли из камеры. Повыше натянув перчатки и поправив воротничок, женщина подошла ко мне и, заковав руки, приказала повернуться спиной. С трудом заставив двигаться окоченевшие ноги, я покорно поднялась. Сейчас мне было все равно, кого служители закона выбрали для того, чтобы переодеть меня — женщину или мужчину — но видеть здесь законницу было все же немного приятнее. Мне не отказали хотя бы в такой малости, оставив некое подобие достоинства.

Женщина сноровисто расстегнула корсет, стараясь как можно меньше соприкоснуться с моей обнаженной кожей. Вцепившись железной хваткой в запястья, она, отстегнув сначала один наручник, а затем другой, стянула вниз кружевные рукава. Последняя, пусть даже столь тонкая преграда между кожей и холодным зимним воздухом исчезла, и я почувствовала себя совершенно незащищенной. Женщина положила руки мне на талию и грубо дернула юбку вниз, освобождая меня от платья.

— Шаг вперед, девочка, — сказала она. — И туфельки тоже придется снять.

Я послушно выскользнула из белого круга шелка, оставив в центре расшитые мелким жемчугом белые туфли. Совершенно невпопад промелькнула мысль, что через некоторое время — как знать — это же самое платье горожане увидят уже на другой невесте. Интересно, известно ли городскому магистрату, что тюремное начальство приторговывает одеждой и имуществом приговоренных к казни?

Впрочем, я не доживу до того, чтобы это проверить.

— Вытяни руки, — приказала законница.

Рубище, предназначенное для узников, было скроено так, что надевать его можно было, не снимая наручников. Просунуть голову в горловину, опустить два куска ткани спереди и сзади, перепоясать на талии — и готово. Углядев в моей свадебной прическе гребень с драгоценными камнями, женщина потянулась было вытащить его. Последний подарок Эдвина, еще оставшийся у меня, лишенной привычного мира, одежды, защиты, всего человеческого. И я, собрав все силы, с неожиданным для себя порывом дернула головой, уворачиваясь от рук законницы, и отскочила в сторону так, чтобы оказаться к ней лицом.

Женщина отшатнулась, словно увидела в моих глазах что-то жуткое и безумное. Ругнувшись себе под нос, она бросила на меня злобный взгляд, но не решилась еще раз протянуть руку.

— Вперед. И помалкивай.

Стража, ожидавшая за дверью, встала по обе стороны прохода, пропуская сначала законницу с моим платьем и туфлями в руках, а затем и меня. Мы долго шли по коридорам, пока не оказались во внутреннем дворе, где меня ждала закрытая карета, похожая на ту, в которой я прибыла сюда. Внутри уже сидел господин дознаватель.

Я постаралась занять противоположный угол как можно дальше от него. Босые ноги совершенно окоченели от прогулки по камням и заснеженному крыльцу. Я попробовала хоть как-то прикрыть их своим жалким рубищем, но под тяжелым взглядом законника прекратила бесплодные попытки.

«Ничего, скоро согреюсь», — мелькнуло в голове. Мысль эта показалась мне настолько дикой, что я не удержалась от улыбки.

— Не вижу в вас раскаяния, Фаринта, — проговорил господин дознаватель, скривившись в презрительной гримасе.

На ратушной площади все было готово к казни. В воскресный день посмотреть на то, как будут сжигать злокозненную черную вдову, собралась приличная толпа, и законникам пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось расчистить проход к помосту и сложенному рядом костру. Я плелась позади господина дознавателя, и вслед мне летели гневные выкрики. Нашлись и желающие поупражняться в метании камней и тухлых овощей, но до меня долетела едва ли пара клубней. Зато когда тухлое яйцо от особо меткого горожанина приземлилось аккуратно под ногами законника, обдав его начищенные сапоги тучей вонючих брызг, охрана тут же уgomонила особенно буйных зевак, и остальные предпочли ограничиться сквернословием.

Дознаватель занял место на помосте. Палач, ожидавший рядом с костром, помог мне подняться. Так же, как и все остальные, кто знал о приговоре, он старался как можно меньше прикасаться к моему телу, не скрытому рубищем. Я забралась столь высоко, что оказалась на сложенных поленьях практически вровень с помостом.

Поверх выплеснувшегося на площадь моря людских голов я видела каменную ратушу, во все стороны от которой расходились неширокие улочки. За годы, проведенные в городе, я хорошо изучила каждый проулок. Невдалеке виднелась крыша аптеки, где я работала после окончания обучения, рядом стоял дом, выкупленный мною на деньги Ридберга. Чуть поодаль торчали голые кроны деревьев городского парка, где Эдвин признался мне в любви. А первое наше свидание было в кофейне напротив ратуши. Я и сейчас видела, как ветер раскачивал ее деревянную вывеску.

Господин дознаватель что-то говорил, люди поворачивались друг к другу, перешептывались, напоминая о рокоте моря, его темных беспокойных водах. А я смотрела только вперед, не отрывая взгляда слезящихся глаз от поднимавшегося над черепичными крышами солнца. День обещал быть ясным, и зимнее небо, прозрачно-голубое, расчерчивали тонкие вертикальные полосы дыма, поднимавшегося из многочисленных труб. Картина эта казалась мне безмятежно прекрасной, и от открывавшегося передо мной вида щемило сердце.

— И сегодня справедливость наконец восторжествует, — ворвался в мои мысли голос господина дознавателя. — Убийца будет предана огню, и ее тлетворная магия сторит в пламени вместе с ней.

Толпа одобрительно загудела.

Палач с зажженным факелом в руке подошел к костру.

Солнце, яркое на безоблачном небе, равнодушно освещало площадь.

— Господин законник, а как же древний обычай? — раздался откуда-то из толпы громкий голос, показавшийся мне смутно знакомым.

Дознаватель, палач и я одновременно заскользили взглядами по головам людей, выискивая крикуна. Я заметила его первой, и все внутри сжалось от узнавания. Господин Кауфман, аптекарь, у которого я работала, стоял, глядя на законника прямо и строго. Отчасти я была счастлива увидеть здесь хоть одно знакомое лицо. Но с другой стороны, мне бы не хотелось, чтобы добрый старик становился свидетелем моей казни.

— Как же обычай, господин законник? — повторил Кауфман. — Ежели найдется мужчина, желающий жениться на несчастной, приговоренной к смерти, и взять на себя полную ответственность за ее жизнь и дальнейшие действия, то казнь будет отменена.

Надежда, глупая и бессмысленная, вспыхнула в душе ярче костра, на мгновение согреть мое закоченевшее тело. И тут же угасла, столкнувшись с суровой реальностью. Кто же решится взять в жены четырежды вдову?

Господин дознаватель наконец увидел аптекаря, и губы его искривились в насмешливой улыбке.

— Все верно, уважаемый господин... Кауфман, верно? Аптекарь. Уж не хотите ли вы сказать, что сами готовы взять в жены свою бывшую помощницу? Да будет вам известно, двоеженство в нашей стране запрещено.

В толпе раздалась редкие смешки. Аптекарь нахмурился, чуть смутившись, но не отвел взгляда.

— Хорошо, будь по-вашему, — произнес господин дознаватель. — Кто из вас, храбрецы, согласится жениться на этой женщине, осужденной за убийство четырех мужей? Есть ли желающие расстаться с жизнью, ощутив на себе смертельную хватку ментальной магии? Может быть, вы? Или вы? Может быть, вы, палач?

Мужчина равнодушно дернул плечом.

— Да как по мне, ей и тут хорошо, — пробасил он, показывая на костер. Собравшиеся на площади люди поддержали его одобрителем хохотом.

Законник, вытянув вперед тонкую руку, указывал то на одного, то на другого мужчину из толпы, специально выискивая самых отъявленных забияк. Те отшатывались, бледнели, мотали головой, а затем с удвоенной силой принимались кричать, распаляя остальных:

— Сжечь! Сжечь убийцу!

Господин дознаватель торжествующе улыбнулся.

— Как видите, господин Кауфман, никакой древний обычай не вытащит эту женщину из рук правосудия. Можете приступить, — кивнул он палачу.

Палач с зажженным факелом шагнул ближе. Я вдохнула полной грудью морозный воздух, понимая, что это, возможно, один из последних вдохов в моей жизни.

— Я готов.

ГЛАВА 2

Звучный низкий голос разнесся по площади, мгновенно заставив всех до единого замолчать и обернуться. Прищурившись, я различила высокую фигуру в темном плаще, стоявшую почти у самой ратуши рядом с отполированным до блеска самодвижущимся экипажем. Мужчина медленно двинулся вперед к помосту, и горожане расступились перед ним, взволнованно перешептываясь. Он не показался мне знакомым, но я увидела, как господин Кауфман кивнул ему, когда мужчина проходил мимо.

Незнакомец остановился прямо передо мной и дознавателем.

— Лорд Майло Кастанелло, — сухо приветствовал его законник. — Не могу сказать, что я удивлен.

Я с трудом сдержала вскрик.

Лорд Кастанелло, промышленник, меценат и талантливый изобретатель, не мог не привлекать внимания общества. Но предметом горячих споров и сплетен в клубах и гостиных были вовсе не его успехи и заслуги перед городом и Короной, а загадочные обстоятельства, сделавшие этого молодого еще мужчину трижды вдовцом.

Может ли брак с человеком, который свел в могилу всех своих жен, быть предпочтительнее смерти? Или это всего лишь отсрочка?

Увидев мою реакцию, лорд Кастанелло еле заметно скривился, но затем вновь повернулся к дознавателю.

— Согласно обычаю, я имею право взять эту женщину в жены.

— Ваше поместье стоит на землях, не входящих в городское управление, а значит, городские обычаи на вас не распространяются, — сощурился законник.

— Не припомню, чтобы это смущало сборщиков налогов.

Господин дознаватель замялся. К такому повороту событий он, казалось, не был готов.

— Вам известно, за какие преступления должны казнить эту женщину? — поинтересовался он.

— Разумеется, — равнодушно произнес лорд.

— В таком случае не думаю, что магистрат одобрит такое решение.

— Честно говоря, не вижу причин для отказа. В конце концов я беру на себя ответственность за все последующие поступки этой женщины и избавляю службу магического контроля от ненужной головной боли. И прошу вас поторопиться, господин законник, — бросив короткий взгляд на вынутые из нагрудного кармана часы, добавил он. — Мне бы хотелось уладить все формальности до обеда.

Толпа застыла в молчании, стараясь не пропустить ни звука из происходящего у помоста. Для них то, как один из самых богатых и знатных людей города спорит с представителем отдела магического контроля, известного своей принципиальностью, было не менее интересно, чем сожжение менталиста.

И в конце концов многие понимали, что брак с лордом Кастанелло мало чем отличается от казни.

— Хорошо, будь по-вашему, лорд Кастанелло, — неохотно уступил господин дознаватель. — Я распоряжусь, чтобы вас немедленно приняли в магистрате. Будьте готовы подписать соответствующие бумаги.

Лорд Кастанелло еще раз взглянул на часы.

— Подъеду через час, — кивнул он. — Приведите мою жену. И оденьте ее во что-нибудь более соответствующее погоде.

С этими словами лорд развернулся и уверенно направился в сторону своего экипажа, провожаемый изумленными взглядами горожан, собравшихся на площади.

Господин дознаватель посмотрел на меня с нескрываемым презрением.

— Снимите ее отсюда, — распорядился он, кивая на костер.

Палач распутал веревки, грубо дернув запутанный узел. Окоченевшие ноги не могли более удерживать мой вес, и я чуть ли не кубарем скатилась на каменную брусчатку, поскользнувшись на сложенных поленьях. Господин дознаватель сделал знак паре охранников, стоявших ближе всего к помосту. Подхватив меня за руки и вздернув наверх, законники практически поволокли меня в сторону ратуши, следуя за господином дознавателем. Разочарованные зеваки расходились по домам.

Первый этаж ратуши занимал дежурный пост законников. После коротких переговоров с находившимися внутри служащими, меня втокнули в небольшую комнату, и я сразу же бросилась к горевшему там камину. Накапительный кристалл, подсоединенный к сетке раскаленных проводов, тускло светился, отдавая последние крохи энергии, но мне было достаточно и этого. Я вытянула вперед скованные руки, стараясь хоть немного согреться.

Одна из женщин, работавших в ратуше, возникла на пороге и, не подходя ближе, повесила на краешек стула, стоявшего возле двери, черное форменное платье и чулки, а рядом поставила невысокие черные сапожки. Я удивленно приподняла брови.

— Ничего другого нет, — ответила законница.

Мне показалось, что господин дознаватель это оценит.

— Вот, наденьте. — Она бросила мне плотные черные кожаные перчатки. — Когда закончите, я раскую вас на время, чтобы вы могли одеться. И не вздумайте делать глупостей. За дверь охрана, и я успею подать сигнал.

Я пожала плечами, вытягивая вперед руки жестом, который уже грозил стать привычным. Женщина отперла замок наручников и отошла, не мешая мне заняться платьем.

С преувеличенным старанием я привела себя в порядок, застегнувшись на все пуговицы до самого воротника-стойки. Законница оказалась настолько любезна, что подождала, пока я переберу волосы и вновь заколю их гребнем, зачесав в более высокую и плотную прическу, схожую с теми, какие были приняты у служащих-женщин. Теперь от законницы, стоящей в дверях комнаты, меня отличали только наручники.

Мы вошли в комнату отдыха служащих ратуши. Оглядев меня с ног до головы, господин дознаватель недовольно поморщился. Я встретила его взгляд спокойно и невозмутимо.

— Что, ничего другого не нашлось? — кисло поинтересовался он.

— У нас тут не магазин готового платья, господин дознаватель, — буркнул один из дежурных законников. — Скажите спасибо, что отыскиали хотя бы это. Вы же, кажется, торопитесь.

Господин дознаватель поджал губы, но не нашел, чего возразить. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты, а следом за ним повели и меня.

— Так значит, вы решили снова жениться, Майло? — Глава городского совета, плотный немолодой мужчина с неожиданно цепким и пронизательным взглядом, развалился в

своем кресле, лениво перебирая бумаги на столе толстыми пальцами, униженными массивными перстнями. — Надо признать, вы выбрали для этого не самый обычный способ.

— Почему бы и нет. — Лорд Кастанелло вертел в руках часы, то открывая, то закрывая крышку. — Я деловой человек, у меня нет времени на глупости и расшаркивания вроде сватовства и ухаживаний.

— Но ведь речь идет о преступнице, — не удержавшись, подал голос господин дознаватель. И добавил, повернувшись к главе городского совета: — Лорд Ранье, я настаиваю, чтобы эта женщина была казнена.

— Вам-то от этого какой прок? — поморщился тот. — Только казну растрчиваете на эти... — Он мотнул головой в сторону окна, — представления.

Я не принимала участия в беседе, стоя под надзором двух охранников и украдкой поглядывая вниз через узкое стрельчатое окно, где на площади законники, размером не больше булавочной головки, разбирали помост и костер. Некоторые из горожан пошустрее тоже принимали участие в процессе, растаскивая доски на дрова для обогрева домов и лавок.

— Обычай брать в жены женщин, приговоренных к смертной казни — просто пережиток прошлого, — продолжил господин дознаватель. — Да о нем добрую сотню лет и не вспоминал никто.

— Насколько мне известно, господин законник, — лениво возразил лорд Кастанелло, — этот обычай так и не отменили. А значит, я вправе взять в жены госпожу... — Он замолчал и поморщился, словно бы только что осознал, что не запомнил моего имени. Или не потрудился узнать.

— Да бросьте, Майло, — добродушно отозвался городской глава. — Если вам так уж хочется жениться, у меня есть племянница, как раз вошедшая в брачный возраст. Могу похлопотать за вас перед ее родителями.

— Благодарю, Сайрус, не стоит, — отмахнулся лорд. — Разве я как благородный человек могу бросить прекрасную женщину в беде?

Он повернулся ко мне и посмотрел внимательно, в упор, без тени улыбки. Хоть он и назвал меня «прекрасной женщиной», в этом его взгляде не было ни капли мужского интереса, ни капли восхищения женской красотой. Лорд Кастанелло смотрел холодно, настороженно и цепко, с едва уловимой толикой неприязни, как смотрят на змею, у которой необходимо собрать яд для приготовления целебной настойки.

Лорд Ранье хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Что ж, раз так, не буду отказывать вам в такой малости, мой друг. Но предупреждаю заранее, все вопросы по делу госпожи Фаринты Ридберг... — многозначительно посмотрел на лорда Кастанелло городской глава, — уже улажены, ее имущество передано в собственность городской казны. То же касается ее лицензии зельевара и разрешения на работу — с сегодняшнего дня они более недействительны. Так что не жди за невестой приданного. Кстати, душечка, — внезапно обратился он ко мне, — леди Осси интересовалась судьбой их фамильного гребня. Не будете ли столь любезны...

— Сайрус, оставь девушку в покое, — поморщился лорд Кастанелло. — Сдался тебе этот гребень. Скажи, что потеряли при обыске, пусть потом твоя почтенная леди трясет господ законников. Уверен, она непременно обнаружит у них что-нибудь, стоящее внимания. Что до приданного, в нем нет необходимости. Ты прекрасно знаешь, что в средствах я не нуждаюсь, а лишний рот меня не обременит.

Я вновь отвернулась к окну, силясь скрыть ярость и разочарование. Все, чего я с таким трудом добилась, все, до последней монеты, в один миг оказалось потерянным. Когда-то я пришла в город, сжимая в руках чемоданчик с одной лишь сменой платья, и сейчас вынуждена буду покинуть его, имея едва ли больше, чем тогда. И с кем? С человеком, чье «благородство» имеет столь ярко выраженный привкус унижения.

Да провалился бы вовсе этот гребень вместе с леди Осси и всеми законниками, вместе взятыми! Если бы только мне разрешено было оставить лицензию зельевара! Тогда всего-то и нужно было бы сбежать от ненавистного лорда, для которого я в лучшем случае лишний рот, а в худшем — очередная несчастная жена, которой, возможно, суждено сгинуть без суда и следствия. Сбежать — и отправиться как можно дальше. Быть может, к морю...

Мои размышления прервало деликатное покашливание городского главы.

— Нужна ваша подпись, душечка. Здесь брачный контракт и документы, подтверждающие ограничение ваших прав в пользу лорда Кастанелло. Все будет заверено соответствующим артефактом, так что искренне не советую нарушать пункты договора. В противном случае сожжение на костре покажется вам куда более милосердной альтернативой.

Лорд Кастанелло уже успел подписать все необходимые бумаги, и теперь договор подвинули ко мне. Глава городского совета протянул перо, на кончике которого светила капля чернил. Я расцепила пальцы, чтобы взять его, и только сейчас заметила, насколько сильно, до вмятин на толстой коже перчаток, впивалась ногтями в свои ладони.

— Понимаю, с наручниками не очень-то удобно. — Лорд Ранье сочувственно вздохнул, глядя, как я пытаюсь обмакнуть перо в магические чернила. — Но, надеюсь, вы простите нас за этот временный дискомфорт. Поставьте подпись — и тогда уже ваш муж будет решать, нужно ли физически ограничивать вашу свободу. В конце концов, согласно древнему обычаю, ему предстоит нести полную ответственность за ваши поступки.

Пробежавшись глазами по документам — полное подчинение супругу, невозможность покидать земли лорда Кастанелло без его ведома и надлежащего сопровождения, невозможность работать, обязательная ежемесячная проверка службой магического контроля — я мысленно попрощалась со свободой и расписалась, воспользовавшись старой фамилией.

Госпожа Фаринта Ридберг.

Теперь леди Фаринта Кастанелло.

— Раз с формальностями покончено, объявляю вас мужем и женой, — с легкой издевкой произнес лорд Ранье. — Можете поцеловаться.

— Эту часть мы, пожалуй, пропустим, — ответил лорд Кастанелло, и я была с ним полностью солидарна.

Лорд в последний раз щелкнул крышкой часов и сгреб документы, не дожидаясь, пока высохнут чернила.

— Снимите с леди наручники, и мы покинем вас. У меня еще много дел, а я и без того отстаю от графика.

Господин дознаватель с непередаваемой гримасой отпер замок и повесил наручники себе на пояс. Взамен на мое запястье был надет браслет с россыпью светящихся кристаллов — печать, одновременно скрепляющая договор и обеспечивающая его выполнение. Браслет выглядел совершенно новым, и у меня промелькнула мысль, что именно за ним и уезжал лорд Кастанелло в тот час, что прошел от момента его отъезда с площади до прибытия в кабинет главы городского совета.

— Вам несказанно повезло, Фаринта, — обронил господин дознаватель, в упор глядя на меня. — И я сделаю все, чтобы выяснить причину этого везения.

— Будьте добры все вопросы впредь обращать ко мне, — оборвал его мой супруг. — И прошу нас извинить, я спешу.

Когда мы вновь оказались на улице, ратушная площадь уже успела приобрести свой привычный вид. Место помоста заняли лавочки торговцев, предлагавших горячее вино и сладкую сдобу, уличные кофейни выкатили наружу столики и кресла, на которых высились стопками теплые пледы, предлагавшиеся гостям, чтобы те могли насладиться кофе на свежем воздухе. Люди прогуливались, торговались, наполняли корзины, обсуждали последние сплетни за кружкой горячего пряного вина. Чья-то лошадь, запряженная в открытую повозку, испуганно отшатнулась при виде проскочившего по переулку самодвижущегося экипажа, опрокинув часть груза на мостовую, и теперь торговец ожесточенно спорил с извозчиком, выясняя, кто из двоих будет расплачиваться за убытки.

Шла обычная жизнь, знакомая до последней мелочи. Такая, какую я уже и не чаяла увидеть.

— Наденьте это, — обрывая мои раздумья, лорд Кастанелло снял с себя плащ и протянул мне. Как раз вовремя: стоило нам выйти из ратуши, как холод вцепился в тело с новой силой. — Если меня увидят в компании законницы, это может плохо сказаться на деловой репутации. А выяснять, настоящая вы или просто носите похожее платье, никто не станет.

— Другого не было, — зачем-то ответила я, кутаясь в плащ. — И оно не похожее, оно точно такое же.

Лорд Кастанелло открыл передо мной дверцу экипажа, пропуская вперед, а затем сам сел с противоположной стороны и похлопал водителя по плечу, приказывая трогаться. Мужчина вставил узкий кристалл в разъем у руля, и по приборной панели голубоватыми змейками растекалась магическая энергия, посылая заряд двигателю экипажа. Я ощутила низкую вибрацию мотора. Машина сорвалась с места, лихо обогнула торговца и извозчика, все еще размахивавших руками около разбитых ящиков и переминавшейся с ноги на ногу лошади, и понеслась по узким улицам прочь от места моей несостоявшейся казни.

В полумраке салона я украдкой, едва повернув голову, разглядывала лорда Кастанелло. Его прямой профиль с едва заметной горбинкой носа четко очерчивался на фоне окна. Легкая щетина, зачесанные на бок темные волосы, шейный платок, повязанный с нарочитой небрежностью, дорогая рубашка и костюм, сшитый явно на заказ, дополняли образ состоятельного делового человека. Он сидел, листая бумаги, вынутые из кожаного портфеля, стоявшего у него в ногах. Чему-то хмурился, постукивал пальцем по выведенным строчкам, несколько раз проверял время по уже знакомым мне карманным часам. Сейчас было заметно легкое свечение, исходившее от их корпуса. Часы оказались не обычным — пусть и дорогим из-за своей золотой оправы — механическим изделием, требующим ежедневного завода, а артефактом тонкой ручной работы, вещью, стоившей баснословных, немыслимых денег.

Поймав мой заинтересованный взгляд, лорд Кастанелло захлопнул крышку часов и повернулся ко мне.

— У меня есть дела в городе, — сообщил он. — Подождете в экипаже, а после отправимся в поместье. Я дал распоряжения насчет ужина.

Моего согласия тут явно не требовалось, но я все же кивнула.

Я плотнее запахнула полы плаща, чтобы хоть как-то согреться. За окном мелькали дома и бульвары, мы покидали центр, приближаясь к деловой части города. Мой взгляд скользил по лицам прохожих и стоящим у обочины каретам, ни за что не цепляясь. Все сливалось в единый пестрый поток, текущий нам навстречу.

Внезапно где-то сбоку всхрапнула лошадь, и этот звук вывел меня из полузабытья. Я вздрогнула, прижавшись к окну.

Экипаж сбросил скорость перед поворотом на боковой проулок, и я увидела, как вокруг оседланной лошади без всадника суется прохожие, окружив животное плотным кольцом. Я не могла разглядеть, что произошло, но масть лошади и приметную серую звездочку на морде

узнала безошибочно, и сердце сжалось, а затем забилось отчаянно и гулко. Подскочив на сидении так, что потемнело в глазах, я прошептала:

— Остановите.

— Что случилось? — раздался негромкий голос лорда Кастанелло.

— Какого-то бедолагу сбросила лошадь, милорд, — равнодушно откликнулся водитель.

Я услышала, как снова зашуршали листы — лорд вернулся к просматриванию бумаг.

— Остановите! — простонала я уже громче.

Водитель свернул на обочину.

Меня трясло. Казалось, все чувства, что я усилием воли сдерживала внутри, решили разом вырваться наружу. Я вдохнула — прерывисто, рвано. В горле словно ком стоял — разрастающийся, разбухающий ком.

— Что с вами? — спросил лорд Кастанелло.

Я дернула ручку двери, но та не поддалась.

— Там Эдвин, — со всхлипом выдохнула я.

Эдвин... Ну почему, почему он не мог, как этот франт Кастанелло, поддаться моде и купить баснословно дорогой самодвижущийся экипаж? Зачем решил ехать верхом? Я словно наяву ощутила, как тряхнуло тогда карету, как гулко вскрикнул кучер, как завывла-застонала почтенная леди Осси, мать Эдвина, ехавшая чуть позади в открытом экипаже. Я вновь потянула за ручку, отчаянно желая выскочить наружу и броситься туда, где лежал упавший с лошади всадник.

Моего лба коснулась рука в тонкой кожаной перчатке. Вторая рука перехватила запястья, вынуждая откинуться на сиденье.

— У нее жар... — слова лорда слышались как сквозь толщу воды, едва доходя до сознания, — галлюцинации.

Я дернулась еще раз, но хватка у лорда Кастанелло была крепкой.

— Едем домой, — коротко бросил он водителю, и экипаж тут же тронулся. Я обернулась к лорду, чтобы хотя бы попытаться уговорить его вернуться, но перед глазами все расплывалось. Сознание покинуло меня, и последним, что я услышала, погружаясь в беспамятство, был шорох листов, соскользнувших вниз с колен лорда Кастанелло.

ГЛАВА 3

Я приходила в себя медленно, выплывая из забытья, где снова и снова переживала смерть Эдвина. Тело, ослабленное лихорадкой, не слушалось, голова казалась тяжелой, налитой свинцом.

В полубреду мне виделись неясные силуэты людей, приходивших и уходивших, осматривавших меня, о чем-то негромко переговаривавшихся. Одним из них, как мне казалось, был сам лорд Кастанелло. Он выглядел то ли озадаченным, то ли недовольным: брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Другой мужчина — вероятно, лекарь — что-то говорил ему, но я не могла разобрать слов.

С трудом открыв глаза, я обнаружила, что лежу в незнакомой комнате на кровати, накрытая по самый подбородок пуховым одеялом. Полог был одернут, так что можно было разглядеть в дальнем углу массивный шкаф и небольшой столик, на котором стояли стакан, кувшин с водой и несколько баночек с порошками и таблетками. Потянувшись за стаканом, я обнаружила, что меня переодели в ночную рубашку из тонкого хлопка, оставив, однако, перчатки, которые я получила в ратуше перед встречей с лордом Кастанелло и главой городского совета. Что ж, удивляться было нечему: мало кто решится так запросто прикасаться к женщине, обвиняемой в использовании ментальной магии.

Воспоминания о последних полутора сутках, что я провела на ногах перед тем, как сдать лихорадке, вызванной холодом и нервным истощением, постепенно возвращались, вызывая в голове болезненные спазмы. Заставив себя приподняться на подушках, я налила стакан воды, и, отыскав среди баночек болеутоляющий порошок, отмерила себе нужную порцию, предварительно убедившись по вкусу и запаху, что он приготовлен верно. Даже столь нехитрое действие потребовало от меня всех накопленных сил, и, вернув стакан на столик, я сползла вниз, надеясь поспать еще немного.

В дверь деликатно постучали.

— Войдите, — отозвалась я. Голос звучал хрипло, надтреснуто.

Горничная, невысокая женщина средних лет, проскользнула в комнату, неся горячую грелку.

— Миледи. — Она чуть присела в поклоне и, не дожидаясь ответа, опустилась у изножья кровати. Я наблюдала, как женщина ловко вытаскивает остывшую грелку и меняет ее на новую, и не могла решить, стоит ли заводить с ней разговор.

Закончив свою работу, горничная окинула меня равнодушным взглядом.

— Обед принесут в час пополудни, — сообщила мне она и, поклонившись, вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

В течение следующих нескольких дней, которые я провела в постели, горничная заходила ко мне только лишь для того, чтобы оставить на столике поднос с едой, а после забрать его вниз почти нетронутым да поменять грелку или перестелить белье. Никогда женщина не пыталась сама заговорить со мной, а на вопросы отвечала уклончиво, а то и вовсе предпочитала отмалчиваться. Лорд Кастанелло не появлялся вовсе. Когда же я поинтересовалась у гор-

ничной, зашедшей за подносом, могу ли я увидеть супруга, женщина смерила меня долгим взглядом и сухо произнесла:

— Милорд не имеет привычки нам рассказывать о том, где находится, миледи. А теперь прошу меня извинить.

Дверь вновь захлопнулась, отсекая меня от жизни прочих обитателей поместья, и я устало откинулась на подушки, все еще не чувствуя в себе силы выйти за порог комнаты.

Все это до дрожи, до оторопи напоминало тот, другой огромный дом, где я оказалась невольной пленницей после того, как в надежде расплатиться с долгами, оставшимися от второго мужа, беспечного гуляки Лайнуса, приняла предложение Грэхема Ридберга. После роскошной и пышной свадьбы, предназначенной лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза всем сплетникам, распускавшим грязные слухи о предпочтениях уважаемого господина, Грэхем привез меня в свою загородную усадьбу и полностью потерял ко мне всякий интерес. Наши встречи ограничивались лишь редкими выходами в свет, где мне надлежало производить впечатление довольной и счастливой госпожи Ридберг, не обращая внимания на крепкую, до синяков, хватку, с которой Грэхем стискивал мое предплечье, расточая во все стороны обаятельные улыбки.

Таковы были условия нашей сделки. Господин Ридберг оплачивал все мои немаленькие долги, а я взамен становилась щитом между ним и мнением общества.

В своей усадьбе он не считал нужным притворяться. Падшие женщины приезжали и уезжали, нисколько не скрываясь, а я старалась не попадаться им на глаза, чтобы не становиться лишним раз предметом презрительных насмешек. Грэхем был мне противен, равно как и его интересы, и в этом единственном вопросе наши чувства были полностью взаимны.

Все до одного слуги знали об увлечениях хозяина и верно оценивали мое положение, подчеркнуто игнорируя существование госпожи Ридберг. Большую часть времени я была предоставлена самой себе, ограниченная в перемещениях садом и библиотекой. Там я штудировала все книги университетской программы, которые только могла найти, втайне лелея мечту однажды пройти обучение, получить достойную профессию и перестать наконец зависеть от мужчин. Один раз я даже рискнула отправить запрос на зачисление меня вольной слушательницей и тем же вечером имела возможность наблюдать, как Грэхем вскрыл, прочел и разорвал письмо, глядя мне в глаза. Казалось, этот небольшой спектакль со мной в главной роли был единственным разом, когда я доставила ему удовольствие за все годы совместной жизни.

Я никогда и никому не пожелала бы такой смерти, какая постигла Грэхема Ридберга во время охоты. Но, стыдно признаться, после его кончины я испытала невероятное облегчение.

Быть может, сейчас, вновь запертая в четырех стенах и забытая обитателями поместья лорда Кастанелло, я расплачиваюсь с судьбой за давние жестокие мысли?

В шкафу обнаружилась кое-какая одежда простого кроя, приблизительно подходящая мне по размеру. В знак траура по Эдвину я предпочла черное платье. Одевшись и более-менее приведя себя в порядок впервые с того дня, как я оказалась в поместье, я вышла из комнаты. У меня не было часов, но по внутренним ощущениям и положению солнца, ярко светившего в окно, мне казалось, что близилось время обеда. Я рассчитывала в этот час застать хоть кого-то из обитателей дома.

Вынужденное безделье тяготило, мысли в голове не находили разрешения. Для чего лорду Кастанелло нужен был брак с женщиной, обвиненной в использовании ментальной

магии? Что он намеревался со мной сделать, и почему за все дни моей болезни так ни разу и не появился, чтобы сообщить об этом?

Мои шаги гулко отдавались в тишине дома. Массивные двери с коваными ручками были заперты, шторы на окнах задернуты, не пропуская ни лучика света. Накопительные кристаллы, едва заряженные, погружали коридор в тусклый полумрак, достаточный лишь для того, чтобы различать, куда идешь, — и не более. Казалось, в этом крыле дома жила я одна.

Я отодвинула тяжелую портьеру и выглянула в окно, шурясь от белого света, мгновенно ослепившего меня после темного коридора. Когда глаза немного привыкли, я смогла разглядеть парадный вход с двумя полукружьями лестниц по бокам и уходящую вдаль аллею, заканчивающуюся темными воротами. Свежие следы шин чернели на припорошенной снегом дороге, и я испытала укол разочарования. Лорд Кастанелло, скорее всего, недавно покинул поместье.

По обеим сторонам от аллеи раскинулся сад, искусный лабиринт из деревьев, оформленных в причудливые фигуры, и низкого кустарника, с фонтанами, сейчас безмолвствующими, беседками и скамейками. Снег лежал на дорожках ровным белым слоем, и я решила, что вряд ли кто-то, кроме садовника, имел обыкновение бывать здесь.

Было в этой заброшенной, нетронутой красоте что-то притягивающее взгляд. Словно воспоминание о славном прошлом старого поместья. По слухам, род Кастанелло некогда был многочисленным и влиятельным, а ныне состоял из одного лишь лорда Майло. Ждал ли этот пустой и холодный дом хозяйку, которая вновь вдохнет в него жизнь?

Впрочем, эта роль явно предназначалась не мне.

Я потянула плотную ткань, занавешивая окно, и продолжила путь. Контраст между миром снаружи — ярким, светлым, огромным — и мрачной пустотой поместья лорда Кастанелло был почти физически ощутим. Одета в черный шелк, идущая по погруженному во тьму коридору, я чувствовала себя привидением, затерянным среди покинутого поместья. Отчаянно хотелось отыскать в поместье хоть одну живую душу. И — я вздрогнула, некстати вспомнив сплетни, ходившие вокруг браков лорда Кастанелло, — желательно не найти ни одной мертвой. Не встретить настоящего призрака, поверить в которых здесь было легко.

Полутемное крыло оканчивалось спускающейся вниз лестницей. С другой стороны от нее располагалось еще одно крыло, столь же темное, как и то, куда поместили меня. Я могла лишь гадать, где должны были располагаться покои хозяина дома — настолько все казалось пустым и необжитым.

Нижний этаж призывно манил теплым светом, но я по-прежнему не видела и не слышала никого из обитателей поместья. Я осторожно спустилась вниз, стараясь производить как можно меньше шума, и замерла у приоткрытой двери, откуда выбивался тоненький лучик. Прикоснувшись пальцами к дверной ручке, я потянула ее на себя.

— Миледи, — раздался за спиной незнакомый голос. От неожиданности я одернула руку и отпрянула в сторону. В глазах тут же потемнело: тело, едва оправившееся от перенесенной лихорадки, запротестовало против столь резких движений.

Передо мной стоял мужчина, по форменной одежде которого я предположила, что он служит у лорда Кастанелло дворецким. Он смотрел на меня с равнодушием и безо всякого уважения, неосознанно вызывая мысли о слугах в доме Ридберга.

— Что миледи делает здесь?

Я вдохнула и медленно выдохнула, собираясь с мыслями.

— Я ищу лорда Кастанелло.

Дворецкий шагнул в мою сторону так, чтобы двери комнаты оказались за его спиной, и плотно затворил створки.

— Милорд уехал в город, — сообщил мужчина. И, пресекая дальнейшие вопросы, добавил: — Мне неизвестно, когда он вернется. Но я могу передать, что миледи спрашивала о нем.

— Благодарю, — ответила я.

Дворецкий зашагал в сторону лестницы, жестом показав идти за ним. Я покорно поплелась следом, гадая, в чем же причина такой скрытности.

— Позвольте пояснить кое-что миледи, — с нажимом сказал дворецкий. Остановившись посреди лестницы, он заглянул мне в глаза, и взгляд его был полон неприкрытой неприязни. — Лорд Кастанелло не любит, когда кто-то в его отсутствие разгуливает по дому. Особенно это касается второго этажа. Он также не одобряет ничего, что может отвлекать его от привычного распорядка дня, будь то совместные обеды, поездки и все прочее. Кроме того, слугам были даны четкие указания следить, чтобы миледи нигде не появлялась без пары перчаток. Которых, как я погляжу, на миледи сейчас нет.

— Милорд мог бы сообщить об этом лично, — с трудом скрывая раздражение, произнесла я.

— Вероятно, он не счел это необходимым.

Дворецкий жестом предложил продолжить путь. Он шел по коридору, оборачиваясь через каждый шаг, словно бы опасался, что я сбегу, стоит ему лишь на секунду выпустить меня из поля зрения. У дверей моей комнаты мужчина поклонился и коротко сообщил:

— Обед принесут через полчаса.

Дверь закрылась за моей спиной.

Я вздохнула.

Лорд Кастанелло появился вечером того же дня. Коротко кивнул вместо приветствия, размышляя, казалось, о чем-то, со мной совершенно не связанном. Будто визит к супруге, продиктованный данью вежливости, был для него лишь пустой тратой времени.

Вынув часы, на этот раз не светившиеся, лорд задумчиво посмотрел на циферблат.

И тут же впился в меня цепким и внимательным взглядом.

— Что-то не так? — спросила я, сбита с толку его странной реакцией.

Он не ответил. Молчание, долгое и тягостное, повисло между нами, настолько осязаемое, что я слышала, как двигаются в карманных часах крохотные шестеренки, отсчитывая секунды. Бом. Бом. Лорд Кастанелло смотрел на меня, почти не мигая, и сердце испуганно замерло, а затем забилось, обгоняя ровный бой часов.

Что было нужно от меня этому загадочному и пугающему человеку?

Спустя, казалось, целую вечность, лорд отвел взгляд, вновь потеряв ко мне всякий интерес. Я выдохнула, словно невидимая рука, почти сомкнувшаяся на горле, ослабила хватку, разжав сведенные пальцы. И вместе с вернувшимся контролем пришла злость. Злость на вопросы без ответов, на выводившую из себя неприязнь, читавшуюся в глазах лорда, на подчеркнутое равнодушие, как будто я значила в его жизни не больше, чем вещь или инструмент.

Словно бы я и вовсе не была человеком.

— Бойтесь уделить супруге лишнюю минуту вашего драгоценного времени, милорд? — поинтересовалась я, вкладывая в вопрос весь сарказм, на который была способна.

— Можете спуститься вниз, — коротко ответил он, захлопывая крышку своей дорогой игрушки. — Ужин накрыт в столовой.

— А вы? — вырвалось у меня.

Лорд Кастанелло покачал головой.

— Дела. Прошу меня извинить.

Я не решилась послушаться, хотя больше всего после разговора с лордом Кастанелло мне хотелось запереться в своей комнате и не выходить оттуда, пока экипаж супруга вновь не скроется за воротами поместья.

Столовая была пуста. Светильники источали приглушенный свет, бросая причудливые блики на позолоченную лепнину и рамы огромных картин. Величественные мужчины и женщины, изображенные на темных холстах, безмолвно взирали на меня, и глаза их, прорисованные до мельчайших деталей, казалось, следили за каждым моим шагом, заставляя чувствовать себя неуютно. Стол, способный вместить несколько десятков гостей, был сервирован на две персоны: одно место во главе и еще одно рядом с ним.

Лорд Кастанелло так и не спустился в столовую. Горничная, принеся ужин, поставила передо мной тарелку и без единого слова убрала приборы с места, предназначавшегося для хозяина дома.

Кусок не лез в горло. Снова и снова вспоминая каждую деталь нашей беседы, я все больше убеждалась в мысли, что что-то пошло совершенно не так, как рассчитывал лорд Кастанелло. Случилось что-то непредсказуемое, и я не могла решить, хорошо это для меня или плохо. Мне нужно было понять это и одновременно не хотелось знать ответ.

Мне не спалось. Я лежала в постели, думая о лорде Кастанелло, его женах, гибели Эдвина, Грэхема и Лайнуса, приговоре, заточении, и круг замыкался, вновь возвращая меня мыслями к супругу. Казалось, этому не будет конца.

Вдруг слухи о том, что смерти трех леди Кастанелло не случайны, не просто слухи, и я обречена стать в этом трагическом списке четвертой? Или это все пустое и надуманное, как и обвинения, предъявленные мне?

Что я знала о человеке, ставшем моим мужем? Промышленник, меценат, владелец фабрик и заводов по производству накопительных кристаллов, без которых сейчас трудно было представить нашу жизнь. «Современные магические технологии» — предприятие лорда Майло Кастанелло — сделало кристаллы дешевле и доступнее. Раньше лишь аристократы могли похвастаться дорогими магическими артефактами, произведенными на заказ немногочисленными мастерами, тщательно оберегавшими секреты ремесла. Теперь же кристаллы были в светильниках и каминах зажиточных горожан, в лабораториях университетов, в больницах, в заводских станках, на вооружении законников и армии.

Молодые дворяне из обедневших родов жаждали получить назначение на одно из предприятий лорда Кастанелло, где навыкам артефакторов находилось самое широкое применение. В Королевском магическом университете Аллегранцы, где я училась, преподаватели отзывались о Майло Кастанелло как о новаторе, внесшем неоценимый вклад в развитие науки, а студенты мечтательно вздыхали о красавце-аристократе.

А потом лорд Кастанелло женился во второй раз. И в третий. И среди женской половины университета поползли уже совсем другие слухи.

Яркий луч света ворвался в окно, пробежал по потолку, на мгновение рассеяв ставший уже привычным полумрак, и я чуть не подскочила от неожиданности. Выскользнув из кровати, я на цыпочках подошла к окну, притаившись в тени за портьерой так, чтобы меня сложно было увидеть с улицы.

По заднему двору, обычно пустующему, метались лучи ярких светильников. Я различила высокий силуэт дворецкого и еще двоих мужчин, которых не встречала в доме ранее. Они осматривали одну за другой хозяйственные пристройки, и круги света скользили по двору,

выхватывая то столб незажженного фонаря, то стену сарая, то темные свечи высоких деревьев, что росли вдоль забора, опоясывающего территорию поместья. Казалось, они искали что-то — или кого-то — но двор был пуст.

Не прошло и минуты, как внизу появился сам лорд Кастанелло. В полурасстегнутой рубашке, взъерошенный, он был лишен привычного франтоватого лоска и брезгливой отстраненности. Мне показалось, он выглядел взволнованным. Перекинувшись парой слов с дворецким, лорд без промедлений направился в сторону домика у самой границы поместья, который я приняла за сторожку, и исчез внутри.

Мужчины закончили осмотр двора и вернулись в дом, лорд Кастанелло все так же не показывался. Я застыла у окна, не в силах вернуться обратно в постель, пока не узнаю, чем же закончится это таинственное ночное происшествие.

Долго, невыносимо долго ничего не происходило. Я подумала было, что лорд мог и заночевать в сторожке, но тут дверь открылась, и оттуда, заметно пошатываясь, вышел лорд Кастанелло. Он сделал знак рукой, и от крыльца к нему навстречу с плащом в руках бросился дворецкий. Мужчины ненадолго зашли внутрь, а когда они вновь показались на пороге, лорд нес что-то, плотно завернутое в плащ. Расширенными от ужаса глазами я наблюдала, как лорд Кастанелло поудобнее перехватывает свою объемную ношу, направляясь вместе с ней в сторону дома. Луч света, бивший из распахнутой двери поместья, на мгновение выхватил две темные фигуры, прежде чем козырек крыльца скрыл их от моего взгляда, и я захлебнулась безмолвным криком. В неровном свете мне показалось, что сверток в руках шевельнулся. Я разглядела, что рукава и ворот рубашки лорда Кастанелло забрызганы темными пятнами. И готова была поклясться, что это кровь.

Без сил я сползла на холодный пол, закрыв голову руками.

Что же на самом деле творится в этом пугающем доме?

ГЛАВА 4

Я пролежала в кровати до рассвета, так и не сомкнув глаз. Снаружи все было тихо. Не метались тени, никто не покидал пределов дома до тех пор, пока ранним утром не приехала повозка, доставлявшая в поместье молоко, яйца и сдобу. Так же, как обычно, на заднем крыльце появилась экономка, кухарка проворно затаскивала корзины в дом, кокетничая с молодым извозчиком. Словно и не было ночного происшествия, словно никого больше не разбудили шум и крики, не удивило, что лорд Кастанелло вернулся из жуткой сторожки на окраине земель поместья весь в крови, неся что-то, до боли похожее на мертвое тело.

Скользнув к окну, я чуть приоткрыла створку, чтобы слышать, что происходило внизу.

— Не запирайте калитку, голубчик, сейчас прибудет еще одна повозка, — напутствовала экономка извозчика, отослав хихикающую кухарку прочь.

— Какой разговор, — откликнулся извозчик с козел, стегая лошадей. — До завтра, господа Ленс. И передайте молодой...

— Да езжайте уже! — замахала на него руками экономка.

Повозка тронулась и вскоре пропала из виду. Экономка так и осталась на крыльце, провожая ее взглядом. Вскоре к ней присоединился дворецкий.

— Милорд просил спросить, скоро ли, — негромко начал он, но экономка тут же зашикала на него, и мужчина понизил голос так, что я уже не могла разобрать слов.

— Ох, бедняжка, — покачала головой женщина. — Всякий раз, как подумаю, у меня сердце разрывается.

Я вздрогнула? Они говорили о том человеке, который, быть может, покинул вчера сторожку, завернутый в плащ лорда Кастанелло. Или же речь шла обо мне?

— А что, думаешь, милорда-то нашего супруга, — задумчиво проговорил дворецкий, подтверждая мои худшие предположения. Слуги зашептались, перемежая слова восклицаниями вроде: «Какой ужас!», «Что, думаешь, и ее?», «А она?» Экономка охала, прижимая тонкие руки к груди, дворецкий отвечал сухо, то и дело поглядывая через плечо женщины на дорогу, ведущую к крыльцу. Я, как могла, вслушивалась в их беседу, стараясь уловить хоть слово, но мое окно было слишком далеко от крыльца.

— Как бы то ни было, ее черед следующий, — веско сказала экономка, и оба работника замолчали, соглашаясь с чем-то, чего я не сумела расслышать.

Воображение тут же принялось рисовать картины, одна хуже другой. Вот лорд Кастанелло появляется на пороге моей комнаты среди ночи в окровавленной рубашке и, зловеще усмехаясь, приказывает следовать за ним. Вот я замираю у входа в сторожку в одной тонкой белой сорочке, беззащитная перед ледяными зимними ветрами и жутким человеком рядом со мной. Вот запрокидываю голову, с мольбой вглядываясь в его красивое равнодушное лицо, но лорд безразличен к моим страданиям. Дверь с громким хлопком закрывается за моей спиной, отрезая меня от последнего шанса на спасение. И вот я уже словно со стороны вижу, как меня полумертвую поднимают, заворачивают в толстый плащ, и свет меркнет перед глазами. А вот...

Скрип колес возвестил о прибытии второй, закрытой повозки. Извозчик, на этот раз немолодой и молчаливый, коротко кивнул дворецкому и экономке. Двое слуг, памятных по ночным поискам, вышли из дома, неся перевязанный бечевкой огромный мешок. Плаща не было, но я почему-то была уверена, что это та же неизвестная ноша, что была в руках лорда Кастанелло несколько часов назад. Мужчины погрузили мешок внутрь повозки, извозчик принял деньги и, развернувшись, уехал.

Я медленно и тихо затворила окно. Слухи о безвременной кончине жен лорда Кастанелло казались мне сейчас реальными как никогда.

Стук в дверь заставил меня отпрыгнуть от окна. Сердце забилося так отчаянно, словно за дверью уже стоял лорд, не пожелавший дожидаться, когда закрытая повозка появится в поместье в следующий раз. Но это оказалась всего лишь горничная, которая принесла завтрак.

— Миледи тревожит что-то? — поинтересовалась женщина, окидывая меня взглядом.

Я поспешила заверить ее, что все в порядке, и это не более чем последствия недавно перенесенной лихорадки. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь заподозрил, что я стала свидетельницей ночного происшествия или утреннего разговора слуг. Горничная равнодушно кивнула и покинула комнату.

У меня кусок не лез в горло, но я старалась вести себя так же, как и обычно, а потому принялась за еду. Проглотила кашу, почти не чувствуя вкуса, потянулась за лежавшей на салфетке маленькой булочкой. И замерла, не донеся выпечку до рта.

Под салфеткой я отчетливо расслышала тихое шуршание.

Свободной рукой я приподняла тонкую украшенную узорами и вензелями Кастанелло ткань. Маленький свернутый вчетверо кусочек бумаги развернулся, словно бы прыгнув мне в руки.

«Беги. Ты следующая», — гласила написанная изящным наклонным почерком записка, подложенная под салфетку.

Магией я разорвала бумагу на тонкие волокна, а после измельчила в едва различимые пылинки и тщательно спрятала их среди другого мусора в ванной комнате.

Кто же мог подложить мне это послание? Поднос с едой всегда приносила одна и та же горничная, не выказывающая никакого участия к моей судьбе. Этот завтрак, вероятно, собирала кухарка, но с чего бы молодой девушке, кокетничавшей во дворе с извозчиком, интересоваться леди Кастанелло? Конечно, и дворецкий, и экономка — оба были в это время недалеко от кухни и могли проследить за подносом, равно как и подсунуть записку под салфетку. Но зачем? А если и вовсе предположить, что у кого-то из слуг лорда мог быть второй наниматель на стороне, то любой из них попадал под подозрение.

Но, как бы то ни было, этот таинственный человек, вероятно, пытался мне помочь. Я просто не могла думать иначе, ведь текст записки лишь подтверждал мои собственные неутешительные выводы.

Надо бежать! Бежать прочь от этого пустого дома, от мужа, внушавшего мне безотчетный ужас, и чем скорее, тем лучше.

Каблучки дробно стучали по натопанной смерзшейся земле. Громкий бой сердца отдавался в ушах. Холод вгрызался в руки и щеки, тонкое платье не согревало. Каждый шаг приближал меня к таинственной сторожке, где ночью я видела лорда Кастанелло, но там, за ней, чуть в стороне, лежал путь к свободе.

Час назад через окно своей комнаты я увидела, как на задний двор приехала повозка с продуктами. Слуги сновали туда-сюда с коробками, экономка болтала с торговцем. Дождавшись, когда закончится разгрузка, женщина расплатилась и скрылась в доме. Торговец сел на козлы и щелкнул поводьями.

Я проследила за ним, пока он не скрылся из виду. Обнаружить ворота, которыми пользовалась прислуга, мне не удалось, но теперь я была абсолютно уверена, что они есть. Оставалось только надеяться, что там не держали охрану.

По крайней мере попробовать стоило. Главные ворота, как я уже выяснила, большую часть времени оставались закрытыми, и около входа вполне могла находиться вооруженная охрана.

Я прокралась в коридор и притаилась за портьерой. Далеко внизу зазвонил колокольчик: слугам был накрыт обед на кухне. И вот тогда-то я и поняла: это мой шанс. Если мне удастся выбраться из дома незамеченной, если ворота для прислуги окажутся открытыми, я сумею уйти. И никто не хватится меня как минимум до ужина.

Вслушиваясь в каждый шорох, я спустилась вниз. Темной тенью проскользнула по гостиной и столовой. Из кухни, едва различимой через щелочку приоткрытой двери, раздавались голоса и смех слуг. Стараясь почти не дышать, я одним прыжком преодолела опасное место и оказалась на улице.

Как я и ожидала, во дворе никого не было. Подхватив юбку, я бросилась вперед.

Темнеющая дорога, утоптанная множеством ног, колес и копыт, вела прочь со двора, и я бежала, поскользываясь на мерзлой земле, пока за следующим поворотом, скрытым от меня густым кустарником, не показалась злополучная сторожка.

Тут решимость оставила меня.

Шаг за шагом я подходила ближе к невысокому строению из грубого темного камня. Мне было страшно, безумно страшно, но я утешала себя, что сейчас день, что лорда Кастанелло нет в поместье, что все, кто мог бы увидеть меня, идущую здесь одну с намерениями, которые исключают всякую двусмысленность, обедают на кухне и им нет никакого дела до супруги хозяина дома. Никто не должен поймать меня.

«Не останавливайся, Фаринта, только не останавливайся!»

Усилием воли я заставила себя сделать следующий шаг. А затем еще и еще.

Дорога вновь вильнула в сторону, и я наконец увидела невысокую калитку, ворота и змевившуюся среди деревьев неширокую грунтовую дорогу. Против воли у меня вырвался разочарованный стон. Заперто!

Не позволяя себе раньше времени впасть в отчаяние, я все же дошла до калитки и попробовала подергать навесной замок, а после — протиснуться через прутья решетки, довольно широкие для девушки моего хрупкого сложения. И тогда поняла, что не учла еще одного, вероятно, решающего факта.

Браслет. Браслет, полученный мной в ратуше от главы городского совета при заключении брака с лордом Кастанелло.

Я смутно помнила события того дня. Кажется, лорд Ранье обещал, что в случае, если я нарушу какой-то из пунктов брачного контракта, скрепленного магическими чернилами, костер покажется мне приемлемой альтернативой. К моему счастью, я так и не узнала, каково это — быть сожженной. Зато сейчас я в полной мере ощутила, что произойдет, если я решу покинуть территорию поместья лорда Кастанелло без его на то разрешения.

Ладонь, просунутую через прутья решетки, ожгло болью, столь сильной, словно я схватилась за раскаленное железо. Из глаз брызнули слезы, и я села прямо на снег, сжавшись в комочек и прижимая к себе поврежденную руку. Браслет ощутимо пульсировал, кристаллы, украшавшие его, слабо светились.

Стоило мне вновь оказаться внутри границ владений лорда Кастанелло, как боль ушла. Исчезла, словно ее и не было, не оставив ни одного ожога или иного видимого повреждения. Я на секунду прикрыла глаза, успокаивая сердце и восстанавливая дыхание. Ко мне постепенно возвращалась способность мыслить здраво.

«Это всего лишь боль, — сказала я себе. — Естественная реакция организма. В аптеку часто приходили клиентки, жалующиеся на то или иное недомогание. Все просто. Узнать симптомы, выяснить причину, а дальше послать за лекарем или прописать подходящее снадобье, уменьшающее эту боль».

В моем случае внутренние повреждения, воспаления, ожоги и другие серьезные случаи, требующие вмешательства врача, можно исключить. А значит, эту боль я могла подавить. Должна суметь.

Собравшись с силами, я вновь потянулась к решетке. Решиться просунуть пальцы между прутьями, зная, что за этим последует, было невероятно трудно. Стиснув зубы и приказав себе не закрывать глаза и не отворачиваться, я закатала рукав платья и одним резким движением выпрямила многострадальную руку.

В первое мгновение я едва смогла остановить себя от того, чтобы бросить эксперименты и вернуться обратно в относительную безопасность поместья. Но я подавила предательскую слабость и, сжав пальцы в кулак, продолжила удерживать руку за границами ограды.

Энергия, заключенная в браслете, мелкими змейками бежала по коже, растворяясь, не достигая предплечья, которое оставалось в пределах территории поместья. Стараясь сосредоточиться на чем угодно, кроме болевых ощущений, я сконцентрировала внимание на том, чтобы получить как можно больше информации о работе браслета. Я видела, как мелко подрагивают мышцы руки, как побелели костяшки сжатых до судороги пальцев. Я считала удары сердца, до тех пор, пока боль не стала совершенно нестерпимой. На семнадцатом ударе перед глазами потемнело.

Я пришла в себя через несколько секунд и обнаружила, что лежу на дороге, совершенно обессиленная. Рука ныла. Но теперь я знала достаточно, чтобы хотя бы попытаться сопротивляться последствиям неповиновения пунктам брачного договора.

Что угодно, лишь бы не стать следующим телом, завернутым в темный плащ.

Поднявшись на ноги и отряхнув платье, я побрела обратно. Я чувствовала себя ужасно измученной. Настолько, что чуть было не пропустила момент, когда задняя дверь дома открылась, и во дворе появился мужчина, направившийся к колоде дров. Видимо, обед прислуги подходил к концу. Не помня себя от страха, я бросилась к первому попавшемуся укрытию и притаилась, надеясь, что человек уйдет, и я смогу беспрепятственно вернуться в дом. И лишь через пару ударов сердца сообразила, что спряталась я в тени той самой таинственной и зловещей сторожки, откуда лорд Кастанелло вышел вчера ночью в окровавленной рубашке.

Я даже сейчас могла различить дорожку бурых следов на снегу, ведущих от запертой двери в сторону дома. Протянув руку, я коснулась одного такого пятна и поднесла пальцы к лицу. Опыта, полученного на службе у господина Кауфмана, хватало, чтобы убедиться однозначно — это была кровь.

Новая волна ужаса захлестнула меня. Я отчаянно желала, чтобы мужчина поскорее ушел, но тот, как назло, вытаскивал поленья из колоды так медленно, словно собирался закончить не раньше ужина.

И в этот момент я услышала в глубине сторожки тихий, едва различимый стук.

Забыв про всякие предосторожности, я сорвалась с места и побежала. На мое счастье, мужчину окликнули с крыльца, и он бросил свое занятие, вернувшись в дом. Меня частично скрывал кустарник, и когда я, задыхаясь от бега по скользкой земле, вновь вылетела на территорию двора, там уже никого не было. Я юркнула внутрь поместья, взлетела на второй этаж и, вбежав в свою комнату, без сил рухнула на кровать лицом вниз.

Я не знала, как долго я пролежала так. Когда я немного пришла в себя, за окном уже смеркалось. На столике стоял поднос с обедом — видимо, горничная заходила в комнату, но решила, что я сплю. Есть не хотелось. Нужно было собрать волю в кулак и придумать более-

менее удачный план побега, но мысли ворочались с трудом. Я заставила себя сесть прямо и проглотить хотя бы пару кусочков, но замерла, так и не донеся вилку до рта.

В дверь кто-то постучал.

Это был необычный стук. Тихие удары, с долгими паузами между ними, словно бы человек за дверью прислушивался, не откликнусь ли я на его зов. Горничная постучалась бы совсем иначе. Значит...

Дверная ручка дернулась и начала медленно поворачиваться.

Незнакомец в коридоре решил не дожидаться моего ответа.

— Милорд! — Стук каблуков по коридору и громкий отчаянный шепот неизвестной мне женщины вспорол тишину, заставив меня вздрогнуть и вжаться в спинку кровати. Так там, за дверью, был лорд Кастанелло? — Что вы делаете, милорд? Вам нельзя здесь находиться!

Где-то на краю сознания я удивилась тому, что незнакомая женщина считала себя вправе давать указания хозяину дома, но происходящее было настолько непонятным и пугающим, что мысль эта надолго не задержалась в голове, задавленная зарождающимся ужасом.

— Положите нож, милорд, — раздался быстрый, сбивчивый шепот. — Вам просто нехорошо сегодня, приступ скоро пройдет. Позвольте мне подойти к вам. Вот так.

Внезапно раздавшийся стук, похожий на то, что кто-то, отшатнувшись, ударился в дверь всем телом, заставил меня скатиться с кровати и спиной попятиться в дальний угол комнаты. Одновременно вскрикнула незнакомая женщина в коридоре. Я зажимала руками рот, сама не своя от ужаса. Мне казалось, что любой звук из комнаты может спровоцировать лорда Кастанелло на решительные действия. А справиться с мужчиной, вооруженным ножом, я не сумею.

Вот и все. И никакая сторожка не понадобится.

За дверью слышались приглушенные звуки борьбы. Оставалось лишь уповать на то, что лорд не убьет женщину, оставив ее бездыханное окровавленное тело у порога моей комнаты.

— Вот так, тише, — к моему невероятному облегчению услышала я уже знакомый шепот.

Совсем рядом с моей дверью раздался глухой удар металла о паркет. Кажется, лорд Кастанелло наконец-то выронил нож.

Постепенно шум возни затихал. Я выползла из своего укрытия и подобралась чуть ближе к двери как раз вовремя, чтобы услышать звук медленно удаляющихся шагов.

— Вот так, вот так, милорд, — успокаивающе шептала женщина. — Пойдемте отсюда, пока мы не разбудили миледи. Иначе потом...

Все стихло, и коридор вновь погрузился в оцепенение.

— Иначе потом горничные замучаются оттирать кровь миледи с ковра и мебели, — безжизненным голосом закончила я оборванную на полуслове фразу. — Поберегите дорогие портьеры, милорд.

ГЛАВА 5

Убедившись, что коридор окончательно опустел, я тут же метнулась к прикроватному столику и придиричиво изучила все лекарства, оставшиеся у меня после болезни. Как я и предполагала, баночка с обезболивающим порошком — среднего качества, но все же довольно сносным — оказалась почти полной. Я воспользовалась им, быть может, пару раз, когда головная боль и жар казались уж вовсе непереносимыми. Сейчас я могла лишь усмехнуться — разве это сравнится с тем, что я испытала, попытавшись покинуть территорию поместья лорда Кастанелло? Да знай я тогда, что мне придется пережить за последние пару дней, я не притронулась бы к снадобьям, перетерпев болезнь и сохранив все до последней капли.

Но все равно порошка было достаточно для изготовления средства, способного помочь мне продержаться столько, сколько нужно, чтобы убраться отсюда как можно дальше. А там останется только найти человека, который сможет снять с моей руки свидетельство вынужденных брачных клятв.

Мысль навестить почтенного аптекаря я отменяла сразу же. Во-первых, скорее всего, к нему сразу же направятся с обыском, когда вскрыется мой побег. А во-вторых, именно он в то злополучное утро на площади напомнил о старинном обычае, вытащившем меня из костра. Напомнил — и спустя несколько минут чудесным образом объявился лорд Кастанелло с предложением взять в жены преступницу. Совпадение или нет, у меня были все основания предполагать, что добрый аптекарь как-то связан с лордом. А значит, так рисковать я не могла.

Можно было попробовать найти исполнителя на черном рынке, но нужных контактов я не имела. Да и кто бы согласился связаться с той, кого подозревают в использовании ментальной магии? Слухи по Аллегранце разносятся быстро...

Но что если выбраться за пределы города? А еще лучше и вовсе покинуть регион, воспользовавшись первой же проезжающей мимо почтовой каретой. Меня неодолимо тянуло на восток, в Фиоренну, но сейчас я была согласна отправиться хоть в Ромилию, хоть в Веньятту или даже на самый юг, в Ниаретт, лишь бы оказаться как можно дальше отсюда. За пределами влияния господина законника и отдела магического контроля Аллегранцы я могла не бояться, что кто-то заподозрит во мне беглую преступницу. Придумать историю о ревнивце-муже, предложить гребень в качестве платы за услугу — и, быть может, мне удастся получить помощь и избавиться от ненавистного браслета.

Нужно было только добраться до ближайшей крупной дороги.

Я принялась перебирать в голове все, что могло бы усилить действие обезболивающего порошка. В моем распоряжении были завтраки, обеды и ужины, туалетные принадлежности и лекарства от лихорадки. Не так уж и много, хотя... если подойти с умом, не так уж и мало.

Я почувствовала, как против воли расплываюсь в торжествующей улыбке. Наконец-то впервые с того дня, как я оказалась в доме лорда Кастанелло, мой ум был занят настоящим делом. Побег захватил меня, как увлекает сложная задача, прогоняя все страхи и ненужные мысли, и я отдалась поиску решения со всей пылкостью.

Горничная принесла ужин. К моему ликованию, к блюду с жареным мясом сегодня прилагалась щепотка жгучего черного перца. Перец не являлся необходимым ингредиентом для моих приготовлений, но я не преминула воспользоваться столь удачным стечением обстоятельств, чтобы сделать еще кое-что, способное взбудоражить организм и немного снизить чувствительность к боли. Еле дождавшись, когда женщина выйдет из комнаты, я проворно смешала перец со сливочным маслом, чтобы удобнее было проглотить его, когда возникнет необходимость, и, скатав липкую массу в пару небольших шариков, выставила за окно на холод, плотно завернув в платок.

Это была самая легкая часть плана, не требовавшая применения моих способностей. Сделать средство, подавляющее нервные импульсы и повышающее на время болевой порог, будет куда труднее.

У меня был порошок, вода и накопительный кристалл в светильнике, энергию которого я смогу перенаправить для нагрева. Было несколько банок из прокаленного стекла. А также рвение и решимость как можно скорее найти способ выбраться из этого жуткого дома.

Да, отдел магического контроля отобрал у меня лицензию зельевара. Но изъять из моей головы все, чему я научилась за время, проведенное в университете, никто из них не был в силах.

— Что миледи желает на завтрак? — спросила горничная, возвращаясь за подносом и с подозрением косясь на пустые тарелки.

— Сварите мне кофе покрепче, пожалуйста. Я плохо себя чувствую по утрам.

— Как миледи пожелает, — поклонилась женщина.

Мне нужен был кофеин. Как можно больше кофеина.

Почти всю ночь я провела за изготовлением нагревателя. Вытащила спицы из жесткого лифа платья и кое-как согнула их в подобие гнезда для накопительного кристалла, который я намеревалась днем выкрутить из светильника. После этого мне нужно будет только смешать обезболивающий порошок с кофе и выпарить полученную смесь, одновременно проводя преобразование, чтобы усилить эффективность компонентов.

«Ничто не берется из ниоткуда, — не уставал повторять лектор на курсах теории зелий. — Для успешного преобразования нужно знать свойства веществ и четко представлять, каков должен быть конечный результат их взаимодействия. Наделять предметы желаемыми свойствами и энергией способны только артефакторы, в которых магические способности развивались на протяжении поколений. Зельевары могут пользоваться лишь тем, что уже заложено внутри объекта».

В первый раз мне предстояло делать преобразование не по учебнику, да еще и в таких условиях. Но выбора не было. Если я не смогу поднять порог чувствительности, чего бы мне это ни стоило, я не сделаю и трех шагов за территорию поместья, не свалившись от болевого шока.

К моей невероятной радости, лорд Кастанелло у дверей моей комнаты больше не появлялся, хотя на ночь я и подперла ее для верности тяжелым столиком.

Крепкий кофе ждал на подносе с завтраком. Я с благодарностью подняла маленькую чашечку и вдохнула горьковатый пар. Один только запах возвращал бодрость после бессонной ночи, но я безжалостно подавила искушение сделать хотя бы глоток. Чуть улыбнувшись, я кивком головы дала понять, что в присутствии горничной больше не нуждаюсь. Женщина поклонилась и вышла. Со вздохом сожаления я опрокинула содержимое чашки прямо в баночку с порошком, ложечкой столкнув внутрь остатки кофейной гущи, собравшейся на дне. А потом, как ни в чем не бывало, закончила завтрак.

С установкой нагревателя я справилась быстро. Мне легко удалось выкрутить кристалл из светильника и уложить в гнездо, а сверху водрузить баночку, закрепив вокруг нее спицы, которые должны были передавать тепло. Активированный накопитель, чей свет более не приглушал специальный плафон, почти ослеплял, зато исправно нагревал мое самодельное устройство. Преодолевая жар, исходящий от кристалла, я занесла руки над баночкой и сосредоточилась.

Я почувствовала связи — тонкие энергии, бурлящие в закипающей смеси. И приступила к работе.

Ладони мелко подрагивали, по лбу и лицу катился пот — то ли от близости раскалившегося накопительного кристалла, то ли от преобразования, требовавшего полной отдачи. Но я ощущала, как постепенно выстраиваются под ловкими пальцами невидимые нити, уплотняются, сплетаются друг с другом, закрепляя и усиливая желаемый эффект в образующейся смеси. После короткого раздумья я придала зелью форму полупрозрачных кристаллов, и вскоре на дне банки позвякивала горсть темных леденцов.

Я отвела ладони от нагревателя и погасила кристалл. Теперь все, что я могла приготовить для побега, было у меня под рукой. Оставалось только дожидаться подходящего случая, чтобы вновь выбраться из поместья.

Я притаилась возле перил парадной лестницы, наблюдая, как слуги сновали по залу первого этажа, занимаясь повседневными делами. Лорд Кастанелло, вернувшийся некоторое время назад, заперся в своем кабинете. Я слышала его шаги по коридору и хлопок двери личных покоев лорда, и по опыту предыдущих вылазок мне было известно, что до самого ужина он вряд ли выйдет оттуда.

— Я заметил, что после возвращения милорда ворота оставили открытыми, — внезапно услышала я голос дворецкого. Я постаралась перегнуться через перила, чтобы разглядеть, к кому он обращается, но говорившие стояли точно под галереей. — Да и еще и привратник взял выходной. Нужно послать туда кого-нибудь...

— Не стоит, господин Альберто, — ответил его собеседник.

Я испуганно вздрогнула и задела рукой низкий столик, едва не выдав своего присутствия. Мне оставалось лишь надеяться, что никто не обратил внимания на странный шум, раздавшийся с галереи второго этажа. Незапертые ворота казались мне прямым путем к свободе, и я жадно ловила каждое слово, страстно желая покинуть негостеприимный дом и его странного и пугающего хозяина.

— Милорд просил передать, что ожидает посыльного, — продолжил все тот же слуга, чьего голоса я не узнавала.

Сердце взволнованно забилося. Медлить было нельзя. Посыльный мог явиться к лорду в любую минуту, а после ворота закроют, и неизвестно, когда еще мне представится такой шанс. Если вообще представится. Приближался ужин, когда горничная непременно хватится моего отсутствия. У меня оставалось не так много времени.

Коридор. Комната. Зажать в кулаке баночку с кристаллами, распахнуть окно, выхватывая с узкого карниза мерзлый платочек, прикрыть створки — кое-как, но какое это имеет значение. И вниз, со всей поспешностью, которую можно развить, если стараться издавать как можно меньше шума.

Тяжелая дверь парадного входа в дом поддалась с трудом. Вцепившись в ручку, я изо всех сил потянула ее на себя и едва ли смогла приоткрыть наполовину. Но этого было вполне достаточно, чтобы я выскользнула наружу.

Легкий снегопад, начавшийся с утра, к вечеру разыгрался в настоящую метель. Ветер бросал мне в лицо пригоршни колкого снега, и я тут же почувствовала, что холод начинает вгрызаться в лицо и руки, едва защищенные тонкими рукавами платья. Я пожалела, что у меня не было с собой ничего теплого, но возвращаться и искать плащ или шаль было некогда. К тому же своих у меня не было, а становиться воровкой и брать чужие я не хотела.

Обезболивающее должно было начать действовать не сразу, поэтому я вынула баночку и сунула под язык небольшой кристалл — пока один, а потом, по факту, можно будет определить верную дозировку. Леденец получился с легким кофейным привкусом.

«Вот он, вкус моей свободы», — промелькнула в голове глупая, но приятная мысль.

Я замерла на крыльце, вглядываясь в темнеющую аллею. Выдохнула с облегчением: вроде бы, никого. Сад был пуст, ни единого фонаря не освещало дорогу. Мне должно хватить времени и сил, чтобы уйти достаточно далеко, пока слуги или сам лорд не хватятся беглянки.

Стараясь держаться в тени деревьев, я побежала.

Не доходя нескольких шагов до ворот, я торопливо сунула в рот масляный шарик с перцем. Горло словно обожгло огнем, по телу прокатилась дрожь. Я поморщилась и пару раз вдохнула морозный воздух, чтобы немного притупить пожар на языке. Впрочем, я и без того чувствовала легкое онемение во всем теле: кристаллы начинали действовать.

Я решительно перешагнула границу земель своего вынужденного супруга.

Боль была. Начинаясь от закованного в браслет запястья, она быстро распространилась по всему телу, но теперь ее хотя бы можно было терпеть. Долго радоваться успеху я не стала — подобрав юбки, я изо всех сил бросилась прочь от владений лорда Кастанелло.

ГЛАВА 6

Поместье осталось далеко позади, огни его были едва различимы между стволами деревьев. Дорога, пустая и безлюдная, вела напрямиком в неизвестность. Я была без сознания, когда меня привезли в дом лорда Кастанелло, и сейчас я брела наугад, не узнавая ни единой приметы, не зная, когда же сумею выбраться к населенным местам. Я считала, что если уж я справилась с первой частью побега, то как-нибудь сумею договориться о том, чтобы бедной женщине, чья лошадь сбросила всадницу и исчезла в метели, помогли добраться до ближайшего разъезда, где она могла бы воспользоваться почтовой каретой. В конце концов у меня все еще оставалось несколько украшений и фамильный гребень Эдвина. Мне казалось, он не был бы против, чтобы я использовала их, узнай он, в каком плачевном положении я оказалась.

Но время шло, сгустились сумерки, и лес погрузился почти в непроглядный мрак, а мне так и не встретилось ни единого экипажа или человеческого жилища. Даже посыльный, которого ждал лорд Кастанелло, не появился на заметенной снежной дороге.

Я продолжала идти так быстро, как могла, гоня прочь подступающую панику.

Магия, вложенная в артефакт на моем запястье, действовала исправно. Чем дальше я уходила от поместья, тем ярче разгорались кристаллы, и тем сильнее становилась боль, волнами разбегающаяся по телу. Первого кристалла, который я проглотила еще на пороге дома, хватило до наступления сумерек, но после этого дела пошли все хуже и хуже. Зажав в кулаке вторую порцию обезболивающего, я мысленно поставила себе цель добраться до вершины ближайшего холма, где дорога делала крутой поворот, теряясь среди снега и деревьев. Это стоило мне немалых сил, последние шаги я едва сдерживалась, чтобы не упасть, сжавшись в комочек и завывая от боли. Казалось, каждый нерв, каждую мышцу моего тела сводило болезненной судорогой почти на грани выносимого. Дрожащими руками я положила под язык маленький кристаллик. Привалившись к ближайшему дереву, я дождалась, когда боль отступит, и побрела дальше, желая преодолеть еще три поворота, прежде чем снова придется лезть за новой порцией.

Ничего не вышло. Я сдалась, едва дойдя до развилки. По моим прикидкам, это расстояние было вдвое меньше того, что мне удалось пройти на втором кристаллике обезболивающего. Поколебавшись, я выбрала правую дорогу, которая была уже, зато следы колес на снегу казались более свежими, и сделала еще несколько шагов. Мое тело было почти на пределе.

Я раскусила еще один масляный шарик и проглотила его, едва заметив охватившее горло жжение. Смахнув застывающие на ветру слезы, я вынула два кристалла.

На доньшке банки оставалось совсем немного.

Если так пойдет и дальше, я вряд ли протяну даже до утра.

Надо было двигаться.

Я переставляла ноги в каком-то трансе. Шаг, шаг, еще шаг. Кристалл. Сердце стучало в груди болезненно, рвано, дыхание пополам со стонами вырывалось сквозь стиснутые зубы.

Я даже не поняла, когда потеряла равновесие. Один взмах ресниц — и перед глазами вместо грязного снега дороги чернеет небо, и ветер гонит пушистые хлопья, поблескивавшие на свету. Две тонкие полоски, в которых плясали в замысловатом танце крупные снежинки, разрезали ночную мглу.

С трудом — голову, казалось, разрывало на части, каждая клеточка тела болела — осознав, что же я увидела перед собой, я попыталась отползти с дороги вглубь леса. Мне нужно было еще немного сил. Я потянулась за спасительными кристаллами, едва не теряя сознание, когда небо и светлые полосы заслонила массивная тень, и чья-то рука безжалостно вырвала у меня баночку.

— Интересно, — раздался надо мной знакомый голос.

— Очень, я бы сказал, очень интересно, — повторил лорд Кастанелло и положил баночку в карман пальто, отступая от меня на шаг. — Здесь до самого города лес, лес и лес, а в это время года даже охотничьи домики закрыты. Ума не приложу, куда можно было так спешить.

Я не ответила. Зажмурилась крепко-крепко, втайне мечтая, чтобы лорд оказался плодом моего измученного болью сознания.

Коротко фыркнув, лорд Кастанелло произнес:

— Садитесь в экипаж.

Я почувствовала, даже не видя, как полыхнул на руке браслет. Брачный договор обязывал во всем слушаться супруга, и слова лорда, содержавшие недвусмысленный приказ, активировали заложенную в артефакте магию. Что означало: стоит мне сделать хотя бы одно движение в сторону экипажа, как боль уменьшится, а, быть может, и вовсе уйдет.

Несколько мгновений я боролась с отчаянным желанием не подчиниться приказу. Признать, что воля лорда Кастанелло и бумаги, подписанные в городской ратуше, имеют надо мной власть, было выше моих сил. Я убеждала себя, что смерть лучше бессмысленного и унижительного существования практически пленницей в родовом поместье Кастанелло, одиноким призраком, обреченным на скитания по пустым коридорам. Но тело и заложенные в нем инстинкты оказались сильнее.

И я все же сумела, приподнявшись в снегу, повернуться к экипажу. А затем встала и на негнущихся ногах сделала шаг. И еще, и еще. Чем ближе я подходила к супругу, тем слабее становилась боль, оставляя после себя опустошение.

Лорд Кастанелло молча ожидал рядом с открытой дверцей. Стараясь не смотреть ему в глаза, я с трудом, все еще слишком слабая после пережитого, забралась внутрь экипажа. Сев следом за мной, он подал знак водителю, и машина тронулась с места, вновь возвращая меня в мою тюрьму.

Экипаж ехал вперед по заснеженной дороге, выбирая, верно, подходящее место для разворота. Или же лорд Кастанелло хотел наглядно продемонстрировать, насколько далеко было мое спасение. С каждым новым поворотом среди лесистых холмов я с тоской осознала, какой же глупой и бессмысленной оказалась моя затея. С моим запасом обезболивающего я не добралась бы даже до более оживленной дороги, не говоря уж о человеческом жилье или столь желанном разезде почтовых карет.

Я невидящим взглядом смотрела в окно. Сил не было даже пошевелиться. Лорд Кастанелло, неподвижно сидящий на другой половине заднего сиденья экипажа, безмолвствовал.

Неожиданно машина затормозила. Я чуть повернула голову, стараясь понять причину остановки, и увидела на широкой дороге среди деревьев узнаваемую карету службы магического контроля. Несколько человек уже спешили к нам.

Господин дознаватель постучал в окно с той стороны, где сидел лорд Кастанелло. Супруг вышел из экипажа, оставив дверь открытой. Я пододвинулась чуть ближе, чтобы лучше слышать разговор.

— Лорд Кастанелло. — Господин дознаватель коротко поклонился. — Я бы хотел поговорить с госпожой Ридберг.

— О женщине с таким именем мне ничего не известно, — холодно ответил лорд.

— Я имею в виду леди Кастанелло, — скривившись, словно от зубной боли, поправился законник. — Могу я ее увидеть?

— Она в экипаже.

Сделав несколько шагов к машине лорда Кастанелло, господин дознаватель наклонился, пристально разглядывая меня сквозь толстые стекла очков. Выражение его лица сочетало в себе глубокое изумление и разочарование. Не знаю, что он хотел увидеть в полутьме салона, но, кажется, обнаружить желаемое законнику не удалось.

— Вы что-то хотели, господин дознаватель? — спросила я, с трудом заставив свой голос звучать нормально.

— Что вы делали ночью в лесу, Фаринта? — в свою очередь спросил он, не отрывая от меня внимательного взгляда.

— Выезжали на прогулку, — ответил за меня лорд. — Миледи захотелось пройтись перед сном.

Господин дознаватель снял очки и окинул меня беглым взглядом. Стоило ему убрать от глаз толстые стекла, как морщины на его лбу разгладились. Мне показалось, что законник вовсе не страдал близорукостью.

— Не похоже, чтобы леди Кастанелло шли на пользу ночные прогулки, — заметил господин дознаватель, от которого, верно, не укрылась ни моя дрожь, ни круги под глазами, ни помятое и грязное после падения в снег платье.

Лорд оставил это без ответа.

Господин дознаватель с кислой миной выпрямился, отходя от экипажа, но лорд Кастанелло перехватил законника, преградив тому путь к его карете.

— Осмелюсь предположить, господин дознаватель, что вы здесь с назначенной судом регулярной проверкой, так? — с нажимом сказал он. — Но не поздновато ли для визита?

Господин дознаватель посмотрел на лорда Кастанелло и вдруг едко ухмыльнулся.

— Закон не дремлет. Хорошего вам вечера, милорд, миледи.

Быстрым шагом законник направился к ожидавшей карете, сделав знак своим людям идти следом. Наш экипаж снова тронулся, набирая скорость.

Я кожей почувствовала на себе пристальный взгляд лорда.

— А я уж было подумал, что вы спешили к любовнику, — проговорил он. — Но тогда пришлось бы признать, что вкусы у вас странные.

Я снова не ответила. Ушедшая боль оставила после себя тяжелую, почти лихорадочную слабость. Тело казалось непослушным и горячим, язык во рту — распухшим.

— Законнику не под силу разомкнуть браслет, — равнодушно уронил лорд Кастанелло. — Не стройте иллюзий. Не верьте лживым обещаниям. Поверьте, вы, лично вы, ничего не выиграете. А вот проиграть можете...

— Жизнь, — едва слышно выдохнула я, повернув голову к нему.

Маленькое облачко пара на мгновение зависло в морозном воздухе между нами. Я моргнула, и оно растаяло.

Как хрупко и скоротечно оказалось все: и счастье, и любовь, и иллюзия свободы. Хватило одной лишь трагической случайности, одного ложного приговора, чтобы вся моя жизнь рассыпалась мелким снежным крошевом.

— Что? — нахмурился лорд.

Я придвинулась к окну и отвернулась, чтобы оказаться как можно дальше от лорда Кастанелло. Магия, заключенная в браслете, слабо пульсировала. Тело ныло, внутренности протестующе скручивало резью почти на грани выносимого — принимать в расчет побочные эффекты самодельного обезболивающего средства было некогда, а они, конечно же, не замедлили проявиться. Да и прогулка в метель в одном тонком платье вряд ли положительно сказалась на моем самочувствии. Я обняла себя руками и потерла предплечья, чтоб хоть немного разогнать кровь и согреться.

— Идите сюда, — негромко произнес лорд Кастанелло.

Я скосила на него взгляд, не понимая, чего он хочет.

— Чем ближе ко мне вы будете, тем быстрее пройдет откат от действия вашего браслета.

Я покачала головой. Пододвинуться к лорду Кастанелло, моему супругу и тюремщику по велению суда? Может, еще прижаться к нему в поисках тепла? Нет уж.

Впрочем, мое мнение лорда не интересовало. Осторожно, но твердо обхватив рукой мои плечи, он притянул меня к себе.

— Расслабьтесь.

Я замерла. Внутри бурлила злость — даже в такой малости супруг не оставил мне права на выбор. Я предпочла бы перетерпеть боль, пусть даже из одного только нелепого упрямства, чем оказаться вот так вот прижатой к его боку, к его сильному, горячему телу. Жар ощущался даже через плотную ткань платья — и, вопреки всему, это было приятно.

Конечно же, лорд Кастанелло оказался прав. Я чувствовала, как боль затухает, мышцы расслабляются. Ладонь супруга грела сквозь тонкую ткань рукава. Мелькнула вялая мысль, что это неспроста, но я слишком устала, чтобы думать, а потому просто позволила себе провалиться в дремоту, пока экипаж, чуть покачиваясь на рессорах, увозил нас обратно в поместье.

ГЛАВА 7

— Милорд, спешу уведомить, что пока вас не было, из города вернулся Густаво. Он сообщил, что видел по дороге в поместье карету господ законников. Полагаю, они собираются провести проверку миледи. Мы обыскали поместье и нигде не нашли... — расслышала я приглушенный голос дворецкого, спешившего к нам. Слуга установился у экипажа, бросил взгляд внутрь и, встретившись со мной взглядом, умолк, виновато склонив голову. — Милорд, я безумно сожалею.

— Кто допустил, чтобы главные ворота оставили открытыми? — медленно, чуть ли не по слогам, произнес лорд Кастанелло, и тон его не оставлял сомнений, что лорд в ярости.

— Но мне передали... посыльный... — сбивчиво оправдывался слуга.

— Я ждал письма не раньше полуночи, — оборвал дворецкого лорд. — И сам послал бы кого-нибудь навстречу.

Мужчина порывался было добавить что-то еще, но лорд Кастанелло взмахом руки дал понять, что разговор окончен.

Словно почувствовав, что я проснулась, он полуобернулся ко мне. Я поспешно отпрянула, оправляя платье. Момент странной близости прошел, и рядом вновь сидел привычный лорд Кастанелло, собранный, отстраненный, холодный.

— Следуйте за мной, — бросил он и вышел из экипажа, не оглянувшись. Я молча поплелась сзади.

Лорд Кастанелло в сопровождении дворецкого отвел меня в мою комнату. Я беспомощно наблюдала, как слуга, повинуясь приказу нанимателя, сгребает со столика лекарства. Потянувшись вниз, мужчина извлек из-под кровати мое самодельное нагревательное устройство с гнездом для накопительного кристалла, которое я не потрудилась спрятать, поспешно собирая вещи перед побегом. Лорд Кастанелло забрал у дворецкого переплетение корсетных спиц и нахмурился, вертя в руках грубо сделанную конструкцию.

Потом он посмотрел на меня, задержав взгляд на пару мгновений дольше, чем обычно, и я была готова поклясться, что помимо привычного недовольства во взгляде супруга промелькнула и тень уважения. Несмотря на усталость, я заставила себя встать ровнее, демонстрируя — да, я не просто так училась в университете. И более того, господин Кауфман очень ценил мои способности зельевара.

Но лорд Кастанелло, разумеется, оставил мое изобретение без комментария.

— Выкрутите накопитель из светильника, — распорядился он. Минуту спустя кристалл лег в его протянутую руку. Лорд рассмотрел чуть оплавившееся гнездо, деформированные спицы и неодобительно покачал головой.

— Прикажете распорядиться по поводу свечей, милорд? — осведомился дворецкий.

— Не нужно, — отрезал лорд Кастанелло. — Не хотелось бы обнаружить, что в моем доме устроен пожар.

Я только крепче стиснула зубы.

— И прикажите заварить для миледи что-нибудь от простуды, — тут же добавил лорд. — У нее зуб на зуб не попадает.

Лорд Кастанелло, поигрывая кристаллом, первым вышел из комнаты. Дворецкий, нагруженный всем, что, по мнению лорда, могло бы помочь мне в организации повторного побега, последовал за ним. Дверь захлопнулась с громким стуком.

И впервые с тех пор, как я оказалась в поместье, я услышала, как в замке повернулся ключ.

Широкая ладонь скользнула по моему плечу, обжигая сквозь тонкий шелк ночной сорочки. Пальцы осторожно заправили за ухо выбившуюся прядь волос, дразня чувствительную кожу легкими прикосновениями. Я улыбнулась сквозь сон, не поворачиваясь к склонившемуся надо мной мужчине.

Это главное правило я запомнила четко. Не поворачиваться. Ведь стоит только попытаться, как все закончится — и эти осторожные, чуть щекотные, дразнящие прикосновения, и невесомые поцелуи, и мурашки предвкушения, бегущие по телу. Останутся лишь холод и одиночество.

И я не поворачивалась, а он, мужчина за моей спиной, не исчезал. Наоборот, ласкал все смелее и смелее, спускаясь все ниже и ниже. Вот умелые пальцы скользнули по лодыжке, задирая тонкую сорочку. А вот я почувствовала холодок ночного воздуха на обнаженных бедрах и услышала собственный стон.

Я не поворачивалась, и он был нежен. Сдерживал свою страсть, постепенно распаяла мою, пробуждая тянущий голод внутри, напоминая о том, как же мне его не хватало. Как я ждала его — прошлой ночью и позавчерашней, и несколько ночей до этого, но он не приходил, не вторгался в мои сны, наполняя их жаркой страстью.

Его ладони легли на мои бедра. Я чуть подалась назад, обнаженная, готовая, открытая его прикосновениям и ласкам. Но мужчина, прижимающийся к моей спине, замер, руки застыли неподвижно, и это странное, неестественное оцепенение, столь разительно отличающееся от всего, что обычно следовало после, испугало меня. Робея, я все же решилась нарушить заведенный порядок и бросила беглый взгляд через плечо.

Рядом со мной лежал лорд Майло Кастанелло. Мертвый.

Не помня себя от ужаса, я закричала, почти подскочив на кровати и прижимая к груди одеяло. Сердце колотилось в бешеном ритме. Я оглядела кровать и комнату, погруженную в полумрак — совсем не похожую на ту, где, как мне казалось, я только что находилась — и никого не увидела.

Я была в поместье лорда Кастанелло, в своей спальне, совершенно одна. По крайней мере, так мне казалось.

В щели под дверью замерцал свет, повернулся ключ, и на пороге возникла взволнованная горничная, сжимавшая в руках подсвечник. Она быстро оглядела меня и комнату и, убедившись, что все в порядке, недовольно поджала губы.

— Что-то случилось? Миледи так кричала.

Я прокашлялась, надеясь, что сорванный голос не будет звучать слишком хрипло.

— Ничего страшного. Просто дурной сон, — сказала я, скорее убеждая себя, чем горничную.

Женщина повернулась, чтобы уйти.

— Скажите, лорд Кастанелло?..

Я запнулась, не зная, как продолжить вопрос. Видела ли горничная хозяина дома, выходящего из моей комнаты? Знает ли она, есть ли в поместье тайные ходы, ведущие от одной спальни к другой?

Глупости.

— Милорд уехал сразу же, как оставил миледи в ее комнате, и сегодня заночевал в городском доме, — холодно произнесла женщина, многозначительно глядя на меня. — И это к лучшему, потому что после тяжелого вечера ему только и не хватало проснуться под истошные крики миледи. Спокойной ночи.

С утра я чувствовала себя совершенно разбитой, усталой и опустошенной, и виной тому была вовсе не вечерняя прогулка по заснеженным холмам в одном лишь тонком платье. Я боялась, что ко мне вновь возвращаются кошмары, давние спутники худших моментов моей жизни с того дня, как я пересекла черту городских ворот Аллегранцы.

Ночи, наполненные ужасом и смутными, неясными образами человека за моей спиной, и следовавшие за ними пробуждения с раскалывающейся головой и тяжестью на сердце омрачали первые месяцы моего брака с Лайнусом Честером, молодым азартным дельцом, чьи глаза с равным интересом загорались от новой выгодной сделки или удачной карточной комбинации. Бессонные ночи то погружали меня в уныние, то вызывали ничем не объяснимое раздражение, а физическая близость с мужем после всего, что происходило во сне, отзывалась в теле чувством непреодолимого отвращения.

Лайнус не любил такие дни. Стоило ему почувствовать резкую перемену моего настроения, услышать необоснованный отказ, как он, скривившись, подхватывал пальто и исчезал за порогом наших арендованных комнат, громко хлопнув дверью. Потом, естественно, следовало пылкое извинение и бурное примирение к вящему удовольствию нас обоих, и спокойная жизнь продолжалась. До следующего кошмара.

Или крупного проигрыша мужа.

Да, Лайнус и сам бывал совершенно невыносим, когда ему случалось оставить за карточным столом целое состояние. Тогда страдали не только двери, но и посуда, вещи. Разумеется, ни о каких нормальных отношениях в те периоды тоже не могло идти и речи, и я спала на диванчике на кухне, закутавшись в старый плед и подтянув колени к груди.

Сейчас, когда время сгладило острые углы, а боль и обида давно прошли, мне хотелось бы с теплотой вспоминать тот неполный год, что я и Лайнус прожили вместе — наши ссоры и примирения, плохие и хорошие дни, его безумные идеи и мой зарождающийся интерес к магии и науке, благосклонно поддерживаемый мужем. Но перед внутренним взором упрямо всплывала, подстегнутая недавним сном, совсем иная картина: бокал с вином разбивается о паркет, Лайнус с синеющим лицом хватается скрюченными пальцами за горло, и я бегу к нему, но ноги ватные, непослушные. И повернутое ко мне лицо мужа в точности такое же, как в кошмарах, что мучили меня ночи и ночи до злополучного приема. Стоило мне тогда поймать взгляд его стекленеющих глаз, как я поняла, что не успела. Мгновение-другое — и мои худшие кошмары вторглись в реальность.

Сердце забилось отчаянно и гулко — так, словно бы я вновь оказалась рядом с телом Лайнуса. И тут же мне вспомнился новый сон, иной мужчина. И пусть он держал меня взаперти, пусть презирал, пусть вершил свои странные дела за каменными стенами сторожки — я не хотела видеть его мертвым.

А ведь сейчас, если верить горничной, лорд Кастанелло был в городе далеко отсюда...

Я выскочила из кровати и заколотила в дверь. Спустя вечность в коридоре послышался стук каблучков горничной. Женщина отперла дверь и встала, уперев руки в бока, не переступая порога и не давая мне выглянуть из комнаты. Толстая пуховая шаль укрывала ее плечи, а волосы были перекинута на одну сторону и заплетены в небрежную косу. Я, видно, своим стуком вновь подняла ее с постели.

— Миледи, — начала она, но я не дала ей договорить.

— Где лорд Кастанелло? С ним все в порядке?

Женщина с подозрением посмотрела на меня, нахмутив брови.

— А отчего миледи вдруг задает такие вопросы?

— Дурной сон, — только и ответила я. Разве можно было так просто объяснить, что значили в моей жизни кошмары, подобные тому, что я видела в эту ночь. — Прошу вас, свяжитесь с ним, если можете. Мне просто...

Мне просто надо было убедиться, что с ним все в порядке. Ведь вчера вечером он избавил меня от последствий магического отката, хотя вовсе не был обязан этого делать после всех хлопот с моим побегом. Я лишь хотела оказать ответную услугу.

— Почему миледи считает, что с милордом может что-то случиться? — упрямо повторила горничная. — Я и не подумаю докладывать ему о ваших истериках, пока вы не объясните все толком.

Я посмотрела на нее с тем же упрямством.

— Мне нужно узнать, как лорд...

И в этот момент я услышала, как хлопнула входная дверь, и раздался голос лорда Кастанелло, ровно и привычно бесстрастно отдававшего кому-то обыденные распоряжения. И хотя из моей комнаты его слова были едва различимы, это совершенно точно был он — невредимый и, очевидно, со вполне удовлетворительным самочувствием.

Я отступила на шаг от двери, чувствуя, как паника ослабляет хватку. Горничная неодобрительно поморщилась.

— Миледи успокоилась? — ядовито поинтересовалась она. — Я могу идти заниматься завтраком?

Я рассеянно кивнула в ответ. Более дела лорда меня не интересовали. Он был жив, а мне лишь оставалось надеяться, что кошмары не повторятся. Ибо беспокойство за человека, который игнорировал мое существование и попросту запер в комнате, как преступницу, пойманную на попытке побега и осужденную без права защитить себя, никоим образом не казалось мне достойным занятием.

Несколько следующих дней я провела практически в изоляции, и время это тянулось невыносимо медленно. Я никогда не задумывалась, насколько в действительности коротки дни в середине зимы, а теперь мне пришлось ощутить это на собственной шкуре. Горничная приносила завтрак еще в утренних сумерках, а ужин и вовсе приходилось есть в темноте, довольствуясь лишь неярким отсветом фонаря, закрепленного под окном и освещавшего двор. Остальное время я вынужденно проводила в полном безделье, потому как стараниями лорда Кастанелло была лишена абсолютно всего, даже свечей. И в первую очередь возможности покинуть мою мрачную одинокую темницу.

Всякий раз, когда горничная приходила забрать поднос, я просила передать лорду Кастанелло, что хочу его увидеть и поговорить. Женщина хмурилась, равнодушно пожимала плечами и выходила из комнаты, оставляя мою просьбу без ответа. Впрочем, сам лорд, видно, тоже не испытывал желания встречаться со мной, поскольку за все это время так и не появился.

Поэтому все светлое время суток и те ночи, когда я не могла заснуть, я посвящала наблюдениям за двором и сторожкой. Время от времени то сам лорд Кастанелло, то кто-нибудь из его слуг появлялся около одноэтажного домика, стоящего в глубине владений лорда, отпирал его и ненадолго заходил внутрь, но никогда более я не видела ни на ком следов крови, и никто не выносил тел, завернутых в плащ. Хотелось разгадать, что скрывает тяжелая дверь, или хотя бы узнать, когда я сама окажусь там. Честно сказать, мое существование взаперти навевало на

меня такую безысходную тоску, что временами я почти желала, чтобы этот момент наступил как можно скорее.

У меня было слишком много времени на размышления. Слишком много времени и слишком мало ответов. Кто подставил меня, выставив смерть лорда Осси убийством с применением ментальной магии? Могла ли я сама попасть под влияние, могли ли мы с Эдвином оба стать чьими-то жертвами? Белошвейка и ее помощницы, ювелир, повар, управляющий городского особняка Осси, конюх, кучер, служащий магистрата, многочисленные знакомые почтенного семейства будущего супруга, приходившие на помолвку и торжество — за последние месяцы мы с Эдвином пожали сотни рук, получили десятки сухих поцелуев в щеку от будущих родственников, совершили тысячи ничего не значащих случайных прикосновений. Разве можно упомянуть всех, с кем я беспечно общалась, уверенная в своей безопасности?

Да и кому мог перейти дорогу молодой лорд Осси? Я никогда не слышала, чтобы Эдвин, обыкновенно любезный и обходительный, отзывался о ком-либо плохо. Могли ли у него найтись враги столь могущественные, чтобы иметь в своих рядах менталиста? Эдвин не посвящал меня в дела своей семьи, а сам он занимался разведением породистых скаковых лошадей в загородном поместье. Мне сложно было поверить, что кто-то из его богатых и знатных покупателей мог пойти на убийство конезаводчика, например, из-за проигрыша кобылы на городских скачках.

Нет, здесь должно быть что-то совершенно иное.

Другой вопрос — откуда вообще взялось подозрение, что я могла использовать на Эдвине ментальную магию. Почтенная леди Осси — я невесело усмехнулась, вспоминая немолодую женщину с вечно поджатыми губами и недовольным лицом, — с превеликой радостью обвинила бы меня в том, что я приворожила ее единственного сына, опоив подмешанным в кофе любовным зельем. Но запрещенные зелья — это одно. Их применение легко доказать, противоядие отлично известно, да и зельевару такой проступок грозит максимум штрафом, исправительными работами и временным лишением лицензии. Ментальная магия же — совсем другой разговор.

И тем не менее господин дознаватель ни минуты не сомневался в моей виновности.

Да еще и этот поспешный брак, основанный на каком-то глупом полузабытом притяннутом за уши обычае. Зачем лорду Кастанелло понадобилась осужденная за использование ментальной магии преступница? И если за его решением жениться на мне крылась какая-то тайная цель, почему он лишь единожды заглянул ко мне после болезни? Заглянул — чтобы тут же пропасть без объяснения причин и больше уже не появляться.

Возможно, я и вовсе не была ему нужна. Но в таком случае, почему было не передать меня господину дознавателю за попытку побега? Или же здесь другое, и лорду Кастанелло с его репутацией, не менее сомнительной, чем моя собственная, тоже не хотелось привлекать к себе излишнее внимание отдела магического контроля? И как вообще господин дознаватель оказался на этой безлюдной дороге именно тогда, когда я решила совершить побег?

Лишь в одном я была уверена точно. Кто бы ни выходил со мной на связь путем крохотных записочек, спрятанных под салфетками, он непременно сделает это снова.

ГЛАВА 8

— Обед для миледи, — возвестила горничная.

Поднос с тарелками занял привычное место на пустом прикроватном столике, а женщина тут же покинула комнату. Вынужденное затворничество и полное бездействие не способствовали хорошему аппетиту, и я вяло помешивала ложкой бульон, размышляя, хочу ли я съесть хоть что-нибудь, когда, взяв в руки пряную булочку, услышала знакомый шорох.

Приподняв салфетку, я вновь обнаружила письмо. Только на этот раз это был не крошечный клочок бумаги, а целый лист, исписанный тем же наклонным почерком. Я не могла сравнить письмо с предыдущей запиской, но была уверена, что посылал их один и тот же человек.

Подойдя ближе к окну, я принялась читать.

«Драгоценная Фаринта!»

Я замерла, прижав записку к груди. В первое мгновение обращение, столь знакомое мне по другим, куда более частым и дорогим мне письмам, кольнуло сердце глупой, бессмысленной надеждой. Только один человек называл меня так, и он, к несчастью, был мертв. Мне потребовалось несколько глубоких вдохов, чтобы напомнить себе: почерк Эдвина был куда изящнее, со множеством легких завитков и росчерков. Да и бумагу лорд Осси предпочитал совершенно другую: плотную, белую, с тонкими, едва заметными волокнами и приятным запахом. Это не мог быть он, просто не мог. Но теперь мне несложно было предположить, что таинственный добροжелатель, возможно, когда-то был близко знаком с нами.

Или же такое обращение — не более чем совпадение.

Времени до возвращения горничной оставалось не так уж и много, и я заставила себя вернуться к письму.

«Нам известно, в каком безрадостном положении вы оказались. Но не падайте духом. Помните: в Аллегранце у вас еще остались друзья, которые желают как можно скорее вызволить вас из беды. Мы начали независимое расследование обстоятельств гибели Эдвина. Спешу вас обрадовать: у нас есть все основания подозревать, что с вас могут быть сняты обвинения по этому делу. Как нам известно, дознаватели из службы магического контроля обнаружили на вас след ментального воздействия. Но это в равной степени может означать и то, что такому подверглись вы сами, не будучи ментальным магом. Именно это мы и пытаемся сейчас доказать.

Понимаете ли вы, что это означает, Фаринта? Если закон признает вас невиновной, то смертельный приговор, который чуть было не привели в исполнение, лишится юридической силы. А значит, и брак с лордом Кастанелло магистрат будет вынужден признать недействительным, и расторжение его произойдет даже в том случае, если лорд откажется дать вам свободу. Я не могу гарантировать, что мы сможем вернуть вам все конфискованное имущество, но клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы восстановить ваши права и доброе имя.

Но для того чтобы без помех вывезти вас, когда придет время, необходимо добиться смягчения условий вашего проживания в поместье. И в этом, драгоценная Фаринта, нам нужна ваша помощь. Уверен, что вам, очаровательной молодой женщине, нетрудно будет расположить к себе супруга, пусть даже фиктивного. Перед вашими чарами не сумеет устоять никто, в том числе и лорд Кастанелло. Привлеките его внимание, завоюйте доверие. Выбор средств в этом деле я оставляю за вами.

Надеюсь на ваше благоразумие и скорейшее освобождение. Обещаю, что после того, как вы покинете поместье лорда Кастанелло, все ваши волнения и беды останутся в прошлом».

Я на минуту отложила письмо. Меня мелко трясло от нервного возбуждения. Довериться незнакомцам казалось опрометчивым поступком, но вместе с тем мне до безумия хотелось,

чтобы все, о чем говорилось в письме, оказалось правдой. Мне предлагали не просто снять с меня обвинения, нет, я могла получить куда больше. Свободу. Свободу от навязанного брака, постыдного, почти рабского контракта, жестокой необходимости во всем зависеть от лорда Кастанелло. Я почувствовала, как ко мне возвращаются силы и желание сделать все, чтобы вновь стать хозяйкой своей судьбы. Несколько строк на тонкой бумаге, спрятанной под салфеткой, вдохнули в меня жизнь. Я и не думала, что когда-либо почувствую это снова.

Образ лорда Осси, улыбающегося легко и открыто, возник перед моим мысленным взором, заставив сердце сжаться болезненным спазмом.

«Эдвин, Эдвин, чистая и открытая душа, восторженный мальчишка в свои неполные двадцать пять. Ты и после смерти не оставляешь в беде свою драгоценную возлюбленную».

Я перечитала письмо несколько раз, стараясь запомнить каждое слово, каждую черточку над «т» и угловатую гласную, цвет и плотность бумаги, оттенок чернил. Я понимала, что еще до прихода горничной письмо надо будет уничтожить. Оставлять столь явное свидетельство моих планов, даже если бы мне удалось его как следует спрятать, было, по меньшей мере, неразумно. Ничего в этом доме и в этой комнате не было по-настоящему моим, никому я не могла полностью доверять. И кто бы из друзей Эдвина ни помогал мне там, в городе, он, верно, рисковал многим, передавая мне это письмо, а потому я ни в коем случае не хотела навлечь на него неприятности.

Заставить исчезнуть целый лист бумаги, не имея под рукой накопителя или иной энергетической подпитки, оказалось довольно сложно. Но я все же справилась, и впервые за несколько дней почувствовала себя хоть немного уставшей. Тонкая бумага рассыпалась в руках белесым пеплом, когда в дверь постучали, и я поспешно отряхнула подол, уничтожая всякое напоминание о полученном письме.

Со стопкой свежего белья в руках, поверх которого лежали принадлежности для ванной комнаты, вошла горничная. Мое сердце взволнованно заколотилось, словно меня застали на месте преступления, и стоило немалых трудов успокоиться и принять невозмутимый вид. Еще недавно время тянулось вязкой патокой, а теперь же события, казалось, неслись вперед стремительнее скачущей лошади.

— Миледи почти ничего не съела, — заметила горничная, внимательным взглядом изучая нетронутые блюда. Я бы не удивилась, если лорд дал прислуге указания пересчитывать ложки и вилки перед тем, как унести из моей комнаты поднос. Внимание горничной было столь явно и неприкрыто, что я с трудом удержалась от едкого замечания.

— Спасибо, я не голодна.

Горничная пожала плечами и, забрав поднос, повернулась, чтобы уйти. Я окликнула ее у самых дверей.

— Передайте моему супругу, что я хотела бы поговорить с ним.

— Милорд просил не беспокоить его без повода, — холодно сообщила горничная. — Из-за миледи у него и так уже было слишком много хлопот.

Я на мгновение задумалась, действительно ли лорд отдавал все эти распоряжения, или же слуги сами приняли решение отгородить хозяина дома от опасной гостьи.

— Так скажите ему, что повод будет, — в тон ей ответила я. — Либо лорд Кастанелло придет сюда и ответит на мои вопросы, либо я не съем больше ни крошки и не пушу за порог никого, включая вас. И тогда на руках у уважаемого лорда будет еще одна мертвая жена.

Пока горничная растерянно моргала, застыв с подносом в руках, я мягко, но настойчиво подтолкнула ее в спину и сама захлопнула дверь.

— Миледи может поступать так, как сочтет нужным, — раздался из коридора раздраженный голос горничной. — Но только ничего этим не добьется.

— Я хочу поговорить с лордом Кастанелло, — в который раз повторила я. Женщина не ответила. Через минуту я услышала перестук ее каблучков и позвякивание посуды на подносе. Горничная ушла прочь.

За два дня моей голодовки никто из прислуги не сделал ни одной попытки попасть ко мне в комнату, но я все равно перетащила массивный столик и для верности подперла им дверь. От голода живот неприятно тянуло, болела голова, но я была намерена держаться до конца.

Второе письмо, разложенное до горки мелкой бумажной пыли, разделило судьбу первого. Сейчас, когда я уже больше суток находилась в комнате совершенно одна, я немного жалела об этом. Не избавься я от письма столь поспешно, у меня было бы достаточно времени, чтобы тщательнее изучить почерк, чернила, состав бумаги и другие вещи, которые могли бы натолкнуть на мысль о том, кем же являлись мои таинственные благодетели. По крайней мере активные раздумья отвлекли бы от настойчивых голодных мыслей.

В животе вновь предательски заурчало.

Я только вздохнула.

Мужественно перетерпев первый день голодовки, я почувствовала, как дальше становится легче. Я не так уж и много двигалась и не нуждалась в существенном притоке энергии, а посему отсутствие еды не особенно тяготило меня — или, по крайней мере, так мне казалось. Горничная исправно приходила и уходила ни с чем. Судя по тому, каким тоном она отвечала на мое дежурное «Я хочу поговорить с лордом Кастанелло», женщина и сама была не против уморить меня голодом. Передала ли она мои слова лорду, или же действительно посчитала просьбу не стоящей внимания, я не знала.

Тем не менее вечером третьего дня, когда горничная, перехватив дребезжащий посудой поднос, собралась уходить, я услышала приближающиеся к моей комнате шаги еще одного человека.

— Что здесь происходит? — осведомился у горничной лорд Кастанелло.

Снова звякнули чашки — видимо, горничная поставила поднос на столик у стены.

— Ничего особенного, милорд, — сбивчиво заговорила женщина. — В последнее время с миледи постоянно истерики случаются. То криками всех разбудит посреди ночи, то о вас спрашивает с утра пораньше, будто стряслось что. А теперь вот от еды отказываться вздумала, говорит, что пока вы, милорд, сюда сами не явитесь, никого в комнату не пустит. И почитай третий день уж так. Я у господина Берто нашего справлялась, так он сказал, что негоже милорда по всяким пустякам отвлекать. Вам и без нее, и без нас хлопот хватает. Но куда там. Поэтому мы не хотели...

— Кто вам сказал не беспокоить меня, Мелия? — Вопрос хозяина дома прозвучал обманчиво мягко. — Альберто? С ним я поговорю отдельно.

— Да причем тут господин Берто, милорд! Я же знаю, вы как засядете за свои заумные штуки, вас отрывать никак нельзя, разве что пожар или тревога какая. А у миледи все время истерики — то ей темно, то жарко, то душно, то тошно, то сон дурной приснится...

— Довольно, — оборвал лорд. — Вы свободны.

Зашуршали юбки, а после послышался дробный перестук каблучков — вероятно, горничная поклонилась лорду и быстрым шагом покинула коридор.

— Миледи, — лорд Кастанелло повысил голос, и в нем послышалась нотка раздражения, — потрудитесь объяснить, что здесь происходит.

— Голодовка, — просто сказала я, подходя ближе к двери. — Все в точности так, как и сказала горничная, милорд. Я просто хотела поговорить с вами.

— Странный повод для того, чтобы перестать есть.

— К сожалению, ваше внимание невозможно привлечь как-то иначе. Вероятно, лишь угроза того, что в случае моей голодной смерти вами определенно заинтересуются господа законники, стоит вашего драгоценного времени.

На несколько секунд за дверью воцарилось мрачное молчание.

— Хорошо, — наконец сказал лорд. — Я здесь. Считайте, вы своего добились — законникам, как и прочим незванным гостям, в своем доме я действительно рад не буду. Так о чем вы хотите поговорить?

— Мы так и продолжим разговаривать через стенку? — поинтересовалась я. — Если ваши голосовые связки, как я прекрасно слышу, в полном порядке, то мои еще не совсем оправились от простуды, и перекрикиваться мне бы не хотелось.

— А кто, интересно, виноват в вашей простуде? — хмыкнул лорд.

— Погода, милорд. Зима в этом году особенно холодная, не правда ли?

Мне показалось, что я услышала приглушенный смехок, но отвечать супруг не стал. Вместо этого в двери тихо повернулся ключ. Щелкнул замок, створка ударила по крышке столика. Раз, еще раз.

Безуспешно. Я попыталась сама сдвинуть стол в сторону, но быстро поняла, что не приняла в расчет тот факт, что после трех дней без еды массивная мебель из цельного дуба так просто мне не поддастся.

Еще толчок. Столик мужественно выдержал удар.

— Кажется, заперлись тут как раз вы, а не я, — раздался из коридора насмешливый голос лорда.

— Извините, — пробормотала я и попыталась упереться спиной в стену, чтобы хоть немного сместить упрямый столик. Дубовые ножки противно проскребли по лакированному паркету, сдвинувшись буквально на миллиметр. И все.

Лорд Кастанелло за чуть приоткрытой дверью молчал.

— Отойдите в сторону, миледи, — наконец прервал мои мучения лорд. Я поспешно сделала пару шагов в сторону окна. — Готовы?

— Да.

В следующее мгновение дверь, чудом не сорвавшаяся с петель, с треском распахнулась, опрокидывая многострадальный столик. Я увидела темные лучи трещин, расходящиеся от обугленного пятна на резном узоре.

Супруг стоял посреди тускло освещенного коридора, вытянув руку в кожаной перчатке, сжимавшую накопительный кристалл. Высвобожденная энергия все еще витала вокруг неяркими светящимися сполохами.

Лорд Кастанелло вошел в комнату и замер, не доходя нескольких шагов, разглядывая меня, осунувшуюся и бледную после долгого заточения, растерянно замершую напротив оконного проема. В полумраке неосвещенного помещения я лишь смутно различала лицо лорда и понять, раздражен ли он, не могла.

— Так лучше? — ровным тоном спросил он. — Довольны?

— Увы. — Я мотнула головой, показывая на пустой плафон светильника. — Я бы предпочла видеть вас, а не ваш силуэт.

Лорд коротко хмыкнул.

— Раз так, приведите себя в порядок и спускайтесь к ужину, миледи, — сказал он, и по голосу лорда Кастанелло я поняла, что никаких упрямых возражений он не потерпит. — Поговорим при свете, раз вам так этого хочется. Пока будем внизу, я распоряжусь прислать кого-нибудь из работников починить дверь.

ГЛАВА 9

К моему удивлению, вместо того чтобы от парадной лестницы свернуть в сторону столовой, лорд распахнул дверь в противоположном крыле первого этажа и остановился, пропуская меня вперед. Небольшая комната, залитая мягким светом, понравилась мне куда больше столовой, где мы в первый раз должны были ужинать вместе с супругом.

Здесь не было торжественно-строгих портретов, с которых достопочтенные лорды и леди семейства Кастанелло словно бы прожигали взглядами спину между лопаток, отчего кусок не лез в горло; не было помпезных светильников, лепнины и громоздкой мебели, кричавших о знатности и древности рода. Напротив, стены по пришедшей несколько лет назад из циндрийских дворцов моде были оклеены обоями с растительными орнаментами, места портретов занимали небольшие акварели с улицами и парками Аллегранцы, а светильники наполняли комнату желтоватым светом, создавая ощущение тепла и уюта. Посередине комнаты был накрыт на одну персону небольшой стол, рядом стояли два удобных кресла. Кресло во главе, вероятно, принадлежавшее лорду Кастанелло, было свободно.

Во втором дремал кот.

Огромный зверь с длинной серо-стальной шерстью вольготно развалился на сидении, не обращая никакого внимания на людей, нарушивших его уединение в малой гостиной. Когда горничная наклонилась над ним, расставляя вторые приборы, кот даже ухом не повел. Я все-рьез задумалась, уступит ли он мне место, когда принесут ужин.

Лорд Кастанелло невозмутимо опустил в свое кресло, я же нерешительно замерла около кота. Лорд молчал, позволяя мне самой разбираться со сложившейся ситуацией.

— Брысь, — сказала я, обращаясь к коту. Тот не соизволил обратить на меня внимания. Я немного потрясла кресло. Безрезультатно. Кот лежал словно приклеенный.

Лорд Кастанелло наблюдал за мной и котом. Почему-то мне казалось, что происходящее его немало забавляло.

Я потянулась к коту, намереваясь согнать животное на пол.

— Не советую этого делать, — ровно произнес лорд. Я тут же одернула руку, и вовремя: ленивая расслабленность кота мгновенно сменилась готовностью к атаке. Извернувшись, он взмахнул лапами в попытке вцепиться в мешающую ему человеческую руку, и когти зверя просвистели совсем рядом с моими пальцами.

Я отпрыгнула, прижимая к себе чудом спасенную от растерзания руку, и рассерженно посмотрела на лорда Кастанелло.

— Сделайте с ним что-нибудь, милорд, — попросила я.

Кот поднял голову и несколько удивленно взглянул на меня огромными желтыми глазами.

Лорд Кастанелло фыркнул.

— Милорд, отправляйтесь на кухню и попросите Мелию поторопиться с ужином, — произнес он.

Странная фраза лорда Кастанелло, обращенная словно бы к самому себе, прозвучала совершенно неуместно. Но, к моему изумлению, кот поднялся с кресла и скрылся за дверью гостиной. Я поспешила занять освободившееся место.

— Милорд?

— Так зовут кота.

— Оригинальное имя, — пробурчала я. Мне вдруг вспомнилось давнее ночное происшествие и некий «милорд», который пытался проникнуть в мою комнату. Нет, не мог же это

действительно быть кот. Коты не носят ножей, а что касается приступов... пока что этот зверь казался мне недружелюбным по умолчанию.

Вернулась горничная в сопровождении кота. Увидев меня в своем кресле, тот утробно заворчал, одним прыжком преодолел разделявшее нас расстояние и вонзил когти в подол моего платья.

— Милорд!

Лорд Кастанелло похлопал по своему колену. Тут же вытащив когти из пострадавшей ткани, кот неторопливо проследовал к хозяину и, разместившись на коленях лорда, заурчал так, что слышно было даже мне. Супруг рассеянно почесал его за ухом, и это отчего-то вызвало у меня невольную улыбку.

Говорят, коты чувствуют дурных людей. Если верить конкретно этому коту, дурным человеком в этой комнате был вовсе не мой таинственный супруг. Можно подумать, это я бродила ночью по темным коридорам, зажав в руке нож.

В подтверждение моих мыслей Милорд поднял голову и, посмотрев мне в глаза, многозначительно сощурился.

Подали ужин. Горничная ловко расставила накрытые крышкой тарелки с тушеным мясом и овощами. Лорд Кастанелло невозмутимо принялся за еду.

Казалось бы, самое время начать разговор, о котором я так давно думала. Но почему-то слова упорно отказывались приходить, а супруг помогать явно не собирался.

Я украдкой поглядывала на лорда и развалившегося на его коленях кота. Супруг, разрезавший мясо, казался совершенно спокойным, движения его были скупыми, четкими, длинные пальцы, сжимавшие приборы, не дрожали. Вспомнилась его равнодушная отстраненность в ратуше, его сухие, обрывистые указания водителю и слугам, когда я слегла с лихорадкой. Лорд Кастанелло не вышел из себя даже тогда, когда настиг меня в лесу после неудачного побега. Я ни разу не слышала, чтобы он повышал голос, кричал или срывался на кого-то из слуг. Так мог ли он, хладнокровный и саркастичный, быть склонен к внезапным вспышкам ослепляющей ярости?

Мог ли убивать своих жен?

— Зачем я вам?

— Миледи? — Темная бровь взметнулась вверх.

— Зачем я вам, милорд? — повторила я. — Вы спасли меня от костра, как будто поверили в мою невиновность, но держите взаперти, как преступницу. Не побоялись взять в жены, привести в свой дом, хотя вам, должно быть, известно, что ментальная магия опаснее всего для тех, кто живет с таким человеком бок о бок. Думаете, перчатки... — Я взмахнула рукой, затянутой в тонкую выдубленную кожу. — Гарантия абсолютной защиты? Ваши слуги ни во что меня не ставят, как будто я не жена, а бесправная пленница. Сколько раз вам передавали мою просьбу о разговоре? Ни одного, я полагаю? И ваше поведение... Скажите, если для вас я убийца, за которой требуется неусыпный надзор, зачем это благодеяние? Зачем было меня спасать?

Лорд Кастанелло окинул меня внимательным взглядом.

— А вам, можно подумать, очень хотелось на костер? Да?

Он смотрел так, словно действительно ожидал ответа на свое безумное предположение. Будто бы взвешивал, могу ли я и правда предпочесть смертную казнь пребыванию в его поместье. Отведя взгляд, я с трудом выдавила:

— Нет, — и чувствуя, как тает первоначальный запал под пристальным взглядом лорда, торопливо добавила, — но и быть запертой в четырех стенах — без связи с внешним миром, без права выхода, безо всякого полезного занятия и даже без света — это совершенно невыносимо. Это практически тюрьма с дорогим столовым фарфором.

— Что вы знаете о тюрьме, миледи?

— Не уходите от ответа, милорд!

Кот на коленях супруга встрепенулся, недовольный излишне резким возгласом.

— Это для вашего блага, — негромко произнес лорд Кастанелло. — Чтобы вы не могли себе навредить.

— Можно повеситься и на разорванных простынях, — огрызнулась я. — Их вы тоже заберете?

— Если придется. Впрочем, я рассчитываю на ваше благоразумие. Иногда вы кажетесь вполне здравомыслящей женщиной.

— Иногда?

— Когда не пытаетесь покончить с жизнью с помощью брачного браслета, не рветесь на ночные прогулки по лесу и не устраиваете голодовки.

— Осмелюсь сказать, что в иные моменты мы с вами и не встречались. Большую часть времени вы предпочитаете попросту не замечать моего существования.

— И вас это задевает?

Меня удивил его вопрос. В тоне лорда мне почудилась едва различимая пренебрежительная усмешка, причину которой я не могла понять.

— Да, — честно ответила я.

— Неожиданно. — Лорд вдруг подался вперед. — Неужели вы думали, что наш брак заключен по большой любви, миледи? Ждете, что я приду требовать исполнения супружеского долга? Спую серенаду под вашими окнами? Опустошу розарий, чтобы одарить вас букетом лучших в Аллегранце роз? — Он коротко, но крайне выразительно фыркнул. — Отбросим притворство. Вы собирались замуж за другого, не правда ли? По расчету или нет, мне неизвестно, но даже если и так, уж простите, но во внезапно возникшие ко мне чувства я не поверю. Тем не менее мы с вами связаны брачной клятвой, о неразрывности которой денно и нощно пекутся господа законники. И нарушать ее условия, согласитесь, по меньшей мере, неразумно.

Супружеский долг, законники, брачные клятвы, любовь... Что вообще имел в виду лорд Кастанелло? Недоумевая по поводу сказанного, я уцепилась за то единственное, что, как мне казалось, имело сейчас для меня смысл.

— Какие условия? Вы продолжаете держать меня в неведении. Скажите прямо, чего вы ждете от нашего брака, милорд?

— Уж точно не того, что буду гоняться за супругой по проселочным дорогам или ломать двери, чтобы не позволить ей уморить себя голодом.

— Не уходите от ответа, милорд, — повторила я уже тише, и кот, вновь услышавший свое имя, на этот раз лишь дернул ухом.

Лорд Кастанелло молчал. Положив приборы крест-накрест, он отодвинул в сторону тарелку и неторопливо промокнул губы салфеткой. Я ждала, не отрывая от него напряженного взгляда.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Что вы хотели бы получить от меня, миледи?

— Свет, — тут же ответила я. Раздражение от того, что лорд опять ловко ушел от ответа, смешивалось с радостью, что он оказался готов пойти хоть на какие-то уступки, способные улучшить мое положение. Надо было с чего-то начинать.

Я услышала щелчок открывающейся двери и спиной ощутила чей-то быстрый взгляд. Повернув голову в сторону кого-то, стоявшего на пороге, лорд Кастанелло коротко кивнул и жестом приказал неизвестному человеку удалиться. Дверь затворилась, прежде чем я успела обернуться и увидеть того, кто только что заглядывал в гостиную.

— Я распоряжусь, чтобы в вашу комнату принесли свечи. — Лорд вернулся к прерванной беседе. — Еще что-нибудь?

— Мне хотелось бы свободно перемещаться, — осторожно произнесла я.

Несколько секунд лорд размышлял над ответом.

— Готов показать вам поместье, если вы согласны умерить свое любопытство относительно тех частей дома, куда запрещен вход посторонним.

— Хотите сказать, что если я спущусь в подвал, я обнаружу там залитый кровью пол и тела всех убиенных вами предыдущих жен? — не удержалась я от подколки.

Уголки губ лорда дернулись, но в следующее мгновение к нему вновь вернулось его обычное невозмутимое выражение лица.

— Разве что тушки крыс, которых госпожа Ленс потравила вчера вечером. И, несомненно, никакой крови на полу. Я не терплю беспорядка. Если бы мне, как вы изволили выразиться, пришлось в голову убивать своих жен, я приложил бы все усилия, чтобы не оставлять улики.

Лорд Кастанелло посмотрел на меня в упор, словно напоминая об Эдвине, последовавшем заключении и едва не состоявшейся казни. Я сцепила пальцы. Совершенно некстати вспомнилась рубашка лорда с пятнами крови и безвольное тело, завернутое в плащ.

Деликатный стук отвлек меня от неприятных мыслей. Получив разрешение войти, в дверях показался дворецкий. Мужчина держал конверт, запечатанный сургучом с оттиском гербовой печати. Лорд Кастанелло положил руки на подлокотники кресла, собираясь встать, и понятливый кот проворно спрыгнул на пол. Я тоже поднялась, не желая оставаться в гостиной в одиночестве. Милорд, сверкнув желтыми глазами, тут же занял любимое место, довольный, что его кресло наконец-то освободилось.

Бегло взглянув на имя и адрес отправителя, небрежно начертанные на конверте, лорд перевернул его так, что стало невозможно прочитать написанное, и повернулся ко мне.

— Миледи, позвольте представить вам господина Альберто Сфорци, нашего дворецкого. Альберто... — Он перевел взгляд на замершего мужчину и сказал, выделяя каждое слово: — Леди Кастанелло.

Леди Кастанелло. Вот уж действительно, слуги в поместье держали меня за кого угодно, только не за леди и супругу хозяина дома.

— Миледи. — Дворецкий поклонился с подчеркнутым почтением.

— Господин Сфорци, — в тон ему ответила я.

— Альберто, — вновь заговорил лорд Кастанелло, — сегодня вечером я разговаривал с Мелией, и она сказала, что получила от вас распоряжение не беспокоить меня по поводу, как она выразилась, истерик миледи. Это так?

С дворецкого в один миг слетела вся спесь, что чувствовалась в его голосе, когда он обращался ко мне. Он замялся, отводя взгляд, но не стал отрицать слова горничной.

— М-милорд...

Лорд Кастанелло поднял руку, останавливая сбивчивые объяснения.

— Все вопросы, связанные с пребыванием леди Кастанелло в моем доме, решаю я и только я. И доведите до сведения прислуги, что в отношении миледи я ожидаю от них обращения, соответствующего ее статусу. Кроме этого, при удобном случае представьте леди Кастанелло госпожу Ленс и других работников поместья. Это все. Надеюсь, подобный разговор больше не повторится. Вы свободны, Альберто.

Дворецкий согнулся в поклоне и поспешил покинуть гостиную, оставляя нас одних.

— Благодарю вас, милорд, — сказала я.

Лорд смерил меня внимательным взглядом.

— Завоевать уважение прислуги не так-то просто, миледи, но никто не сделает это за вас, — проговорил он. — Как я могу судить, вы явно не имеете надлежащего опыта в таких делах.

— Я раньше не держала прислуги, милорд.

В городском доме, отобранном у меня магистратом после заключения, я сама управлялась с хозяйством, пользуясь помощью приходящей горничной, бывшей мне скорее приятельницей, чем наемной работницей. Лайнус и вовсе не мог позволить себе держать слуг, отчего

предпочел взвалить все обязанности по дому на мои плечи. Что же до господина Ридберга, то с его молчаливого — а подчас и вполне открытого — попустительства прислуга позволяла себе ни во что не ставить фиктивную супругу хозяина дома, а иногда и откровенно травить. У Эдвина, насколько мне было известно, городской дом и загородный особняк обслуживал целый штат лакеев и горничных, но я всегда была там лишь гостьей и мало что знала про их домашние дела.

А теперь здесь... неужели лорд Кастанелло ожидал, что я сумею расположить к себе людей, которые за его спиной единодушно осудили и приговорили меня к практически полной изоляции? Да и зачем нужна хозяйка поместья, прекрасно управляемому и без ее участия, тем более предполагаемая преступница и mužeубийца. Статус леди слабо вязался с положением, на котором я находилась в этом доме.

Словно услышав мои мысли, лорд Кастанелло ответил:

— В одном я согласен с господином Сфорци, миледи: у меня действительно хватает других забот помимо того, чтобы разрешать ваши конфликты с горничными. Я сделал то, к чему обязывал меня долг хозяина, и с этого момента более вмешиваться не намерен.

Я чуть заметно поморщилась. Способность лорда мгновенно переходить от участия к равнодушию поражала.

— Я учту это, милорд, — холодно сказала я.

— Будьте любезны, — откликнулся он. И после небольшой паузы добавил, вертя в пальцах конверт: — Думаю, довольно вопросов на сегодня. Жду вас к завтраку, миледи, а после я смогу выделить немного времени, чтобы показать вам поместье. Доброй ночи.

Не дожидаясь моего ответа, лорд вышел из гостиной.

Работники, чинившие дверь, коротко поклонились и, собрав инструменты, покинули гостевое крыло. Я мельком заглянула в комнату, убеждаясь в том, что и без того понимала: свечей внутри не оказалось. Обвинять в этом лорда Кастанелло было бессмысленно. Мы всего лишь несколько минут назад закончили ужин, и лорд сразу же удалился в свое крыло, по всей видимости, чтобы разобраться с поздним письмом. У него попросту не было времени отдать нужные распоряжения.

Вспомнились слова лорда, сказанные им перед самым уходом. Если я хотела сделать свое вынужденное временное — а я все еще надеялась, что таким оно в итоге и окажется, — пребывание в поместье более приемлемым, ничего не оставалось, кроме как самой решить этот вопрос.

Вздыхнув, я направилась обратно к гостиной, рассчитывая застать там горничную, убравшую со стола, или еще кого-нибудь из прислуги. Но не успела я сделать и пары шагов, как по ведущей на второй этаж парадной лестнице зацокали каблучки, и в коридоре появилась горничная с подсвечником.

— Свечи для миледи, — сказала она, приседая в поклоне. — Милорд приказал принести.

— Спасибо, Мелия, — ответила я, припоминая произнесенное лордом имя женщины.

Пропустив горничную вперед, я вошла следом. Поставив подсвечник на возвращенный на место прикроватный столик, она повернулась ко мне.

— Миледи нужно что-нибудь еще?

На секунду я задумалась. Спать не хотелось — я и без того спала достаточно долго в дни вынужденного безделья. Просить наугад книгу было глупо, а сама я пока не знала, где распола-

галась библиотека. Но мне было над чем поразмыслить, и поэтому я выбрала то единственное, что было несложно достать и всегда могло пригодиться.

— Немного бумаги для письма, перо и чернила, пожалуйста.

Знакомая недовольная гримаса, тенью скользнувшая по ее лицу, тут же сменилась выражением вежливой учтивости. Видимо, дворецкий уже успел передать слугам слова лорда Кастанелло.

— Одну минуту, миледи. Мне нужно будет спросить об этом господина Берто. Кроме него и милорда у нас никто бумаги не держит. А милорд... — она не договорила.

— Поступайте, как считаете нужным. — Горничная выдохнула с облегчением, обрадованная, что я не требую от нее обратиться напрямую к лорду Кастанелло за гербовой бумагой и письменными принадлежностями. Вероятно, после вечерней встречи у дверей моей комнаты женщина не особенно хотела лишний раз попадаться на глаза хозяину дома. — Я подожду.

Вернулась горничная достаточно быстро, неся в руках несколько листов желтоватой бумаги, перо и наполовину заполненную чернильницу-непроливайку. Водрузив все это рядом с подсвечником, она вопросительно посмотрела на меня.

— Это все, Мелия. — Я улыбнулась служанке. — Можете быть свободны.

Мелия еще раз поклонилась и выскользнула из комнаты. Дождавшись, когда за женщиной закроется дверь, я села за столик и задумчиво взяла в руки принесенный лист бумаги.

Один его вид говорил мне о многом. Простая, плотная и дешевая бумага без гербового оттиска, которой пользовался дворецкий, господин Альберто Сфорци, ничем не походила на тонкие светлые листы, которые я уже дважды находила под салфеткой на обеденном подносе. Судя по тому, что Мелии не потребовалось много времени, чтобы принести принадлежности для письма, скорее всего, дворецкий выдал ей бумагу, которая была у него под рукой и, вероятно, использовалась для хозяйственных записей.

Я для пробы вывела несколько слов, стараясь по памяти восстановить почерк своего неизвестного союзника, и разочарованно вздохнула, поднося исписанную бумагу ближе к свету. Оттенок чернил тоже оказался совсем иным. Впрочем, цвет я могла и спутать, в сумерках несложно было ошибиться. Но при письме стало видно, что принесенные мне чернила чересчур жидкие: линии букв получились толстыми и блеклыми, а в конце последнего слова перо и вовсе оставило позорную кляксу, расплескавшуюся тонкими иглами брызг. Повинуясь секундному порыву, я перерисовала ее в ошетилившийся шипами орех каштана.

Я нахмурилась, вглядываясь в желтые огоньки пламени, дрожащие в такт моему дыханию. Загадка манила и дразнила, ускользая от моего разума.

«Драгоценная Фаринта...»

Нет, неразумно предполагать, что письмо написал один из слуг. Даже если записки и были чьей-то глупой шуткой, не слишком ли много мороки лишь для того, чтобы известить неудобную супругу хозяина поместья? Не слишком ли много оказалось известно простому наемному работнику? Кто же, если не друг Эдвина, знал, как он называл меня, и кто мог выяснить подробности торопливого подобия расследования, которое провели законники перед моим арестом? Вряд ли слуги лорда Кастанелло обладали таким влиянием в городе. Разве что...

Разве что записка могла быть написана самим лордом. Но зачем? Ради злой насмешки над ненужной супругой? В качестве проверки? Или и вовсе с какими-то неясными для меня целями? Ведь за весь ужин лорд не ответил ни на один вопрос, не потрудился дать никаких разъяснений. Кто знает, чего он хочет на самом деле?

Я постучала пером по нарисованной шипастой скорлупе. Попробуй разберись, что скрыто внутри.

После нескольких дней, проведенных в темноте, сидеть при свечах было необыкновенно уютно. Я чувствовала в теле приятную расслабленность, едва ощутимый запах нагретого воска,

смешанный с тонким цветочным ароматом, ласкал ноздри. Стоило больших усилий собраться и вернуть себя к размышлениям об авторе записок.

По всей видимости, выходило, что из живущих в поместье людей только лорд Кастанелло и дворецкий могли написать эти странные послания. Версия с дворецким казалась мне менее правдоподобной, но в любом случае, чтобы окончательно убедиться в ее несостоятельности, нужно было хотя бы мельком увидеть почерк господина Сфорци. И почерк самого лорда тоже.

А если предположить, что записки писал кто-то, не проживавший в поместье? Кому из жителей Аллегранцы, кроме господина Кауфмана, была небезразлична моя судьба?

Внезапно пришедшая мысль заставила меня вздрогнуть. Человек, обладавший доступом к моим личным вещам, маленьким подаркам Эдвина, письмам, способным рассказать о лорде Осси не меньше, чем знали его друзья, был мне печально известен. Я представила, как господин дознаватель обшаривает мой дом, перебирает дорогие сердцу мелочи, отбрасывая их одну за другой как ненужный хлам. Все ради того чтобы отыскать способ вернуть в лапы закона жертву, так ловко избежавшую пламени костра.

Нет, об этом даже думать не хотелось.

Я всем сердцем надеялась, что записки действительно передавали друзья Эдвина. И это означало, что один из них каким-то образом вышел на контакт с кем-то из слуг лорда — горничной, кухаркой, экономкой, дворецким — тем, кто имел возможность подложить письмо на поднос с обедом. Правда, за все время я практически никогда не видела, чтобы кто-то из слуг покидал поместье, да и к самому лорду Кастанелло ни разу не приезжали гости или деловые партнеры. Хотя...

Я перевела взгляд на окно, где в толстом стекле отражалось мое освещенное теплым светом лицо. Посыльные. Газетчики. Извозчики, ежедневно доставлявшие продукты для кухни и другие необходимые в хозяйстве вещи. Любой из этих людей мог незаметно передать пару листов бумаги, которые впоследствии обнаруживались на моем подносе. Тем более что все покупки неизменно проходили через кухню.

Глядя на пламя свечей, я бездумно водила пером по бумаге, вырисовывая палочки, черточки и кружочки — привычные для любого зельевара схематичные изображения преобразований, на первый взгляд не несущие особого смысла, но понятные для меня самой. Короткая записка и одно большое письмо, написанное на одной и той же бумаге одним и тем же почерком. И — четыре резких штриха вверх и в сторону — несколько версий того, кто мог бы отправить их мне. Дворецкий, лорд Кастанелло, господин дознаватель или неизвестный друг Эдвина, передающий — две коротких черточки — послания из Аллегранцы через посыльного и слугу в доме.

Я устало потеряла виски. Мысли двигались вяло, тело налилось жаркой тяжестью. Все усиливающийся аромат свечей, в котором к цветочному запаху теперь примешивался экзотический запах нагретой на солнце древесины, обволакивал, мешая сосредоточиться. Отложив перо, я заморожено следила, как медленно скользит по боку свечи крупная, маслянисто поблескивающая в свете пламени, тяжелая капля воска, оставляя за собой тонкий чуть выпуклый след.

И что-то в этой капле, ее неторопливом движении, внезапно смутило меня.

Что-то было не так. Этот удушающий запах, чуть чадающий фитиль, воск, слишком вязкий и густой для обычных свечей... Все это казалось мне смутно знакомым, словно тоненькая ниточка из прошлого, давно и прочно забытого.

Я потянулась рукой к пламени.

ГЛАВА 10

— Не оборачивайся.

Я послушно застыла, вслушиваясь в шорох песка позади меня. Страх приливной волной всколыхнулся внутри. Бежать!

Но я не могла шелохнуться. Так и стояла, беспомощно замерев, считая шаги за спиной. Один, другой — и мужчина, подойдя почти вплотную, остановился. Легко, едва касаясь, провел пальцами по шее, вырвав у меня невольный вздох.

Страх растаял, когда широкие теплые ладони легли на плечи, небрежным движением сталкивая вниз свободные рукава летнего платья. С коротким смешком он потянул на себя ленты инуровки, и тонкая ткань, более ничем не сдерживаемая, соскользнула почти до пояса.

Я почувствовала прохладное дуновение ветра на обнаженной коже, тут же сменившееся обжигающим дыханием, а после прикосновением губ к шее. Горячие руки скользнули по моим предплечьям, сгибу локтя, животу, груди, распаяя, рождая в теле томительное, жгучее желание. Не прекращая ласк, мужчина наклонился к самому моему уху и шепнул:

— Ты достойна букета цветов, моя лилия.

Он поднял руку с массивным перстнем, украшенным красным драгоценным камнем, сияющим во мраке, и раскрыл ладонь — и в то же мгновение вспыхнули факелы, поставленные по обеим сторонам дощатого помоста. Две огненные дорожки — уходящий далеко в озеро причал и его иллюзорный двойник, блесквивший в темной глубине, — расцветили ночь россыпью желтых точек.

Я задохнулась от невыразимой красоты открывшейся передо мной картины, и мужчина за моей спиной чуть прикусил мочку моего уха, провел подушечками пальцев по чувствительным твердым соскам, превращая вздох в стон.

А на поверхности озера расцветали один за другим огненные цветы, и, даже закрыв глаза и погрузившись в ощущения, что дарили умелые прикосновения, я видела их отсветы за сомкнутыми веками.

Чуть подавшись назад, я почувствовала спиной прохладный шелк его рубашки. Мужчина мягко отстранил меня и распустил последние петли инуровки. С тихим шелестом платье опустилось на песок. Я охнула, предчувствуя, понимая, что последует за этим.

Умелые пальцы скользнули меж разведенных ног. Я прогнулась, прижимаясь к его телу. Нестерпимо хотелось большего. Мужчина поймал мою руку и заставил прикоснуться к себе, провести пальцами по обнаженной коже, почувствовать жаркую влагу...

...Пальцы были испачканы. Я с трудом сфокусировала взгляд, поднесла руку к лицу. Маслянистая корочка покрывала подушечки пальцев. Воск.

Точно, я тянулась к свече...

Тело горело. Прикосновение ткани к коже было нестерпимым. Я словно бы все еще ощущала на себе фантомные руки, стиравшие границу между видением и явью. Желание, неутоленное, плескалось внизу живота.

Перед глазами двоилось, под веками плясали вспышки огненных цветов. Кажется, я чувствовала цветочный запах... было ли это реальным? Мир кружился калейдоскопом красок.

Стены двигались, двери, одна за другой, оставались позади, сменяя друг друга с каждым взмахом ресниц. Вжух. Вжух.

Или двигалась я?

Неясная тень где-то далеко мелькнула и растворилась в окружающей черноте. Привлеченная движением, я вгляделась вперед. И увидела.

Тонкий, едва различимый луч света разрезал мрак. Он манил, привлекая невысказанным обещанием. Дорожка светящихся огней вела меня туда.

Шаг. Еще шаг.

Внезапно что-то на границе видимости привлекло мое внимание. Ненужная, досадная помеха. Я обернулась, но слишком резко, и почувствовала, как пол уходит из-под ног. Ладонь скользнула по холодной ручке, и та поддалась нажиму. Дверь распахнулась, лишая меня опоры.

Удара я не ощутила. Приподнявшись на локтях, с удивлением обнаружила себя на полу в незнакомой темной комнате, освещенной едва различимым красноватым сиянием. Светом работающего артефакта.

Я нашла его почти сразу. Небольшой предмет, лежавший чуть в отдалении от меня. Сквозь оболочку явственно проступали очертания кристалла. Бездумно я потянулась к нему.

А в следующее мгновение яркая вспышка и последовавшая за ней волна выпущенной на свободу магической энергии захлестнули комнату, вновь опрокидывая меня на пол, ослепляя, выжигая застилавший разум туман.

И все погасло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.